

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

АРХОНТИЯ ХЕРСОНА VIII-IX вв. ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИКИ

К системе административного устройства средневекового Херсона исследователи-византинисты обращались неоднократно [1, с. 207-211; 2, с. 82-97; 3, с. 68-73; 4, с. 137-145; 5, с. 155-170; 6, с. 91-97; 7, с. 17-66; 8, с. 87-103; 9, с. 66-118]. Вместе с тем отсутствие достаточной информации все еще оставляет многие вопросы весьма дискуссионными. Во многом это касается места и роли херсонских архонтов в структуре городского управления в VIII-IX вв. Давняя дискуссия об их административной принадлежности и статусе актуальна и в настоящее время [2, с. 93; 4, с. 139-140, 142; 10, р. 9; 11, с. 47; 12, р. 218-219; 13, р. 54; 14, с. 90].

Появление в последнее время новых памятников сфрагистики, позволивших получить ценные сведения об этой категории должностных лиц, на наш взгляд, дают прекрасную возможность вновь обратиться к данной проблеме.

Сопоставление новейших сведений с ранее известными и их соотношение с историческими реалиями, а также критический анализ одного из основных письменных источников по этому вопросу (Тактикон Успенского) дают все основания полагать, что часть спорных вопросов сегодня может быть снята.

Продолжая исследование памятников сфрагистики, найденных в последние годы на территории Херсонесского городища [15, р. 84-14], автору удалось выявить целый ряд моливдовулов, имеющих отношение к херсонским городским органам власти. Их изучение позволило сделать ряд наблюдений, которые в известной степени требуют определенного пересмотра некоторых традиционных позиций в вопросах организации местных властных структур.

Как правило, значительная часть печатей, относящихся к представителям херсонской администрации, принадлежит буллам архонтов Херсона. Не являются исключением и находки последних лет – 42 экземпляра. В большинстве своем они составляют компактную типологически однородную группу моливдовулов, аналогичных ранее изданным образцам [9, с. 145-149; 5, с. 156-159].

Сфрагистический тип представлен двумя вариантами крестообразной инвокативной монограммы (типы V и VIII по В.Лорану) с использованием традиционной формулы - τῷ σῷ δοῦλω. Для данной категории печатей выявлено три имени владельцев (Григорий, Григора, Константин), которые соответствуют уже известным именам рассматриваемых чиновников. Причем на отдельных буллах имена удалось установить благодаря

сравнительному анализу штемпелей всех известных моливдовулов архонтов Херсона. Это позволило значительно сократить число безымянных печатей. В свою очередь данное обстоятельство существенно ограничивает количественный состав вероятного числа исполнителей этой должности, что, как нам представляется, немаловажно для решения вопроса о статусе архонтов и их численности.

Среди новых находок одними из самых массовых являются печати с именем Григорий – 10 экземпляров.

1. Коллекция Ю.Самойленко. D – 23 mm. Толщина пластинки 3 mm. Аналогии: Соколова И.В. Печати архонтов // ЗРВИ. 1978. Т. XVIII. № 6; Алексеевко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Вып. V. №№ 14-16, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма
TW - CW | ΔΥ- ΛW

Θεοτόκε βοήθε(ε)ι τῷ σῶ δούλω.

Реверс. Четырехстрочная надпись:

. ΓΡΗ . .

I WB

ΑΡΧΟΝ . . .

PCONO .

Γρη[γoρ]ίω βασιλικῶ) σπαθαρίω) (καί) ἄρχοντι) [Χε]ρσόνο[ς].

2. Коллекция В.Леоненко. D – 22 mm. Толщина пластинки ок. 3 mm. Аналогии: Соколова, Печати архонтов..., № 6; Алексеевко, Новые находки печатей..., №№ 14-16, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма
TW - CW | .Υ- . .

Θεοτόκε βοήθε(ε)ι τῷ σῶ [δ]ούλω)

Реверс. Четырехстрочная надпись:

. ΓΡΗΓΟ

I WB'CΠΑ .

. . ΧΟΝΤ' . .

.

Γρηγο[ρ]ίω βασιλικῶ) σπαθαρίω) [(καί) ἄρ]χοντι) [Χερσόνο]ς]

3. Коллекция А.Финенко. D – ок. 23 mm. Толщина пластинки 2,5 mm. Аналогии: Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Т. 1. № 1973; Sandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. 1993. Т. 3. P. 96-97. 6/№, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма
. . - CW | .Υ- ΛW

Θεοτόκε βοήθε(ε)ι [τῷ] σῶ [δ]ούλω

Реверс. Четырехстрочная надпись:

. ΓΡΗΓ.

I WB'C . .

SAPX'XEP

CONO .

Γρηγ[ορ]ίω βασιλικῶ) σ[παθαρίω) (καί) ἄρχοντι) Χερσόνο[ς]

4. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 18 mm. Толщина пластинки 3 mm. Аналогии: Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals..., № 1973; Sandrovskaja, Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak..., S. 96-97. 6/№, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

. W - CW | .. - Λ .

Θεοτόκε βοήθει [τ]ῶ σῶ [δου]λ[ω]

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.....

.. WB'С . .

... X'XEP

... O .

[Γρηγορί]ω βασιλικῶ σ[παθ(αρίω) (καὶ) ἀρ]χ(ου)τι Χερ[σόν]ο[ς]

5. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 20 mm. Толщина пластинки 2 mm. Аналогии: Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Ленинград, 1983. № 11, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (близка по начертанию VIII типу). В

углах тетраграмма . W - CO |

Κύριε βοήθει [τ]ῶ σῶ [δού]λω

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.. PHΓ .

I WB'СΠ .

SAPX'XE .

.....

[Γρηγορί]ω βασιλικῶ σ[παθ(αρίω)] (καὶ) ἀρ[χ(ου)τι] Χε[ρσόν]ο[ς]

6. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 20 mm. Толщина пластинки 2 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 11, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (близка по начертанию VIII типу). В

углах тетраграмма . . - CO |

Κύριε βοήθει [τ]ῶ σῶ [δού]λω

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.....

... B'С . .

. APX'X . .

CONO .

[Γρηγορί]ω βασιλικῶ σ[παθ(αρίω) (καὶ)] ἀρ[χ(ου)τι] Χ[ε]ρ[σόν]ο[ς]

7. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 18 mm. Толщина пластинки ок. 2,5 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати, № 11, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (близка по начертанию VIII типу). В

углах тетраграмма . . - CO |

Κύριε βοήθει [τ]ῶ σῶ [δού]λω

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.....

.. WB'С . .

.. PX'XE . .

.. NOC

[Γρηγορί]ω βασιλικῶ σ[παθ(αρίω) (καὶ) ἀ]ρ[χ(ου)τι] Χε[ρσόν]ο[ς]

8. Коллекция Ю.Самойленко. D – 18 mm. Толщина пластинки ок. 2 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 11, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная invocативная монограмма (близка по начертанию VIII типу). В углах тетраграмма . . - CO | . . - ΛΟ

Κύριε βοήθε(ε)ι [τῶ] σῶ [δοῦ]λο

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.....

. . . В . . .

. ΑΡΧΧ . .

CONO.

[Γρηγορίω] βασιλικῶ] [σπαθαρίω] (καὶ) ἄρχ(οντι) Χ[ερ]σόνο[ς]

9. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 18 mm. Толщина пластинки 3 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 11, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная invocативная монограмма (близка по начертанию VIII типу). В углах тетраграмма . . - CO | . . - . .

Κύριε βοήθε(ε)ι [τῶ] σῶ [δοῦ]λω

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.....

. . . В . . .

. ΑΡΧΧ . .

. ONO .

[Γρηγορίω] βασιλικῶ] [σπαθαρίω] (καὶ) ἄρχ(οντι) [Χερσ]όνο[ς]

10. Коллекция А.Коршенко. D – ок. 18 mm. Толщина пластинки 2 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 11, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная invocативная монограмма (близка по начертанию VIII типу). В углах тетраграмма . W - CO | . . - . .

Κύριε βοήθε(ε)ι [τῶ] σῶ [δοῦ]λω

Реверс. Четырехстрочная надпись:

. . . Η . . .

I WB'СП .

. . ΡΧΧΕ .

.....

[Γρ]η[γορ]ίω βασιλικῶ] σπ[αθαρίω] (καὶ) ἄρχ(οντι) Χε[ρσόνο]ς

По характерным особенностям печати этой группы можно разделить на три серии. Сопоставление штампов ранее изданных экземпляров с новыми позволяет восстановить полный текст надписи оборотных сторон для каждой из серий:

I. печати №№ 1-2

+ΓΡΗΓΟ
PI WB'CΠA'
ΑΡΧΟΝΤ'ΧΕ
PCONOC

II. печати №№ 3-4

+ΓΡΗΓΟ
PI WB'CΠA'
CΑΡΧ'ΧΕΡ
CONOC

III. печати №№ 5-10

+ΓΡΗΓΟ
PI WB'CΠA'
CΑΡΧ'ΧΕΡ
CONOC

Использованный на моливдовулах аккуратный прямоугольный шрифт с применением однотипных знаков сокращения свидетельствует о хронологической близости всех трех серий, датировку которых согласно исследованиям И.В.Соколовой следует отнести к середине – третьей четверти IX в. [9, с. 71-76]. Присутствие на всех печатях одинакового ранга и должности владельца наводит нас на мысль об их принадлежности одному

персонажу, сменившему за время своей службы как минимум три буллотирия.

Еще одна достаточно крупная серия печатей представляет нам владельца по имени Григора – 8 экземпляров.

11. Коллекция Ю.Самойленко. D – 20 mm. Толщина пластинки 1,5 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 5, та же пара матриц; Алексеенко, Новые находки печатей..., № 4.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

. W - CW | ΔΥ- ΛW

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τ]ῷ σῶ δούλῳ.

Реверс. Четырехстрочная надпись:

. ΓΡΗΓ.

ΡΑΒ'СП'.

ΑΡΧ'ΧΕΡ

CWN .

Γρηγ[ο]ρᾶ βασιλικῷ спа(θαρίῳ) [(καὶ) ἀρχ(οντι) Χερσόν[ος]

12. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 16 mm. Толщина пластинки 3 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 5, та же пара матриц; Алексеенко, Новые находки печатей..., № 4.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

. . . . | ΔΥ- . . .

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῷ σῶ] δού[λῳ].

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.

. . . СП'С

. . Χ'ΧΕΡ

. . ΝΟ'

[Γρηγορᾶ βασιλικῷ] спа(θαρίῳ) (καὶ) [ἀρχ(οντι) Χερ[σῶ]νο(ς).

13. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 15 mm. Толщина пластинки 3,5 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 5, та же пара матриц; Алексеенко, Новые находки печатей..., № 4.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

. . . . | ΔΥ- . . .

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῷ σῶ] δού[λῳ].

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.

. . . СП'.

. . . ΧΕΡ

. WNO/

[Γρηγορᾶ βασιλικῷ] спа(θαρίῳ) [(καὶ) ἀρχ(οντι) Χερ[σῶ]νο(ς).

14. Коллекция Ю.Самойленко. D – 20 mm. Толщина пластинки 2 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 5, та же пара матриц; Алексеенко, Новые находки печатей..., № 4.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

TW- . . | .Y- . . .

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι τῷ [σῶ δ]ού[λῳ].

Реверс. Четырехстрочная надпись:

. . . ΗΓΟ

. . Β'СП'С

. . Χ'Χ. . .

.

[Γρ]ηγο[ρᾶ] βασιλικῷ спа(θαρίῳ) (καὶ) [ἀρ]χ(οντι) Χ[ερσῶ]νο(ς).

15. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 14 mm. Толщина пластинки 3,5 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 12; Алексеевко, Новые находки печатей..., №№ 5-6, та же пара матриц. Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах татраграмма

.. - CW | . Y- ΛW

Θεοτόκε βοήθει [τῷ] σῶ [δ]ούλω.

Реверс. Четырехстрочная надпись:

... НГО

.. В'СП'

.. Х'ХЕР

.. NO .

[Γρ]ηγο[ρᾱ] βασιλικῶ σπ(αθαρίω) (καὶ) [ἄρ]χ(οντι) Χερ[σῶ]νος]

16. Коллекция Ю.Самойленко. D – 19 mm. Толщина пластинки 2,2 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 12; Алексеевко, Новые находки печатей..., №№ 5-6, та же пара матриц. Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

. W- CW | . . - ΛW

Θεοτόκε βοήθει [τῷ] σῶ [δού]λω

Реверс. Четырехстрочная надпись:

. ΓΡΗΓ.

. АВ'СП' .

. ΡΧ'Χ. .

.....

Γρηγο[ρ]ᾱ βασιλικῶ σπ(αθαρίω) [(καὶ) ἄ]ρχ(οντι) Χ[ερσῶ]νος]

17. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 20 mm. Толщина пластинки 1,5 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 12; Алексеевко, Новые находки печатей..., №№ 5-6, та же пара матриц. Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

.. - . . | . . - ΛW

Θεοτόκε βοήθει [τῷ] σῶ δού]λω.

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.....

. АВ'СП' .

. ΡΧ'Χ. .

. W . . .

[Γρηγορ]ᾱ βασιλικῶ σπ(αθαρίω) [(καὶ) ἄ]ρχ(οντι) Χ[ερσῶ]νος].

18. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 21 mm. Толщина пластинки ок. 2 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 12; Алексеевко, Новые находки печатей..., №№ 5-6, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

TW - C. | . . - . .

Θεοτόκε βοήθει τῷ σ[ῶ] δούλω].

Реверс. Четырехстрочная надпись:

. ΓΗΓΟ

.. В'СП' .

... 'X. .

.....

Γρηγο[ρᾱ] βασιλικῶ σπ(αθαρίω) [(καὶ) ἄ]ρχ(οντι) Χ[ερσῶ]νος].

В этой группе печати можно разделить на две серии. Причем, полностью совпадая по сфрагистическому типу и тексту оборотной стороны, они отличаются друг от друга лишь начертанием литер. Моливдовулы второй серии (№№ 15-18) выполнены более небрежным шрифтом, буквы в строках расположены неровно. По всей видимости, это может свидетельствовать о местном изготовлении данных матриц и недостаточной квалификации резчика-гравера. Сопоставление штемпелей печатей позволяет и для этой группы булл установить полный текст надписи.

I. печати №№ 11-14

+ΓΡΗΓΟ
ΡΑΒ'ΣΠ'Σ
ΑΡΧ'ΧΕΡ
CWNΟ'

II. печати №№ 15-18

+ΓΡΗΓΟ
ΡΑΒ'ΣΠ'Σ
ΑΡΧ'ΧΕΡ
CWNΟ.

Печати с именем Григоры хронологически близки печатям Григория. Вместе с тем отсутствие на них знака сокращения в виде волнообразной линии, появление которой, по мнению И.В.Соколовой, относится к третьему – шестому десятилетию IX в. [16, с. 158], вероятно, свидетельствует в пользу датировки рассматриваемых печатей в пределах первой трети IX столетия.

Самой многочисленной группой печатей архонтов являются моливдовулы с именем Константин – 15 экземпляров, как и предыдущие представляющие известные ранее типы.

19. Коллекция Ю.Самойленко. D – 23 mm. Толщина пластинки 2,5 mm. Аналогии: Алексеенко, Новые находки печатей..., № 13, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная invocативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

.. - . . . | . Υ - Λ W

Θεοτόκε βοήθε(ε)ι [τῷ σῶ δ]ούλω.

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.. . . .
.. N . H . .
.. ΠΑΘ'ΣΑΡ .
ΧΕΡCΟ'

[Κωνσταντ]ῆ[τ]ῆ[ν]ω βασιλικῶ] σ]παθ(αρίω) (καὶ) ἄρ[χ(οντι)] Χ[ερσδ(νοσ)].

20. Коллекция Ю.Самойленко. D – 22 mm. Толщина пластинки ок. 3 mm. Аналогии: Алексеенко, Новые находки печатей..., № 13, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная invocативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

. W - C W |

Θεοτόκε βοήθε(ε)ι [τῷ σῶ [δ]ούλω].

Реверс. Четырехстрочная надпись:

. K W . .
. ANTHN .
.. ΠΑΘ'Σ . . .
. E . . .

Κω[νστ]αντῆ[ν]ω βασιλικῶ] σ]παθ(αρίω) (καὶ) [ἄρ]χ(οντι) Χ[ερσδ(νοσ)].

21. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 18 mm. Толщина пластинки ок. 4 mm. Аналогии: Алексеенко, Новые находки печатей..., № 13, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная invocативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

.. - . . . | . . . - Λ W

Θεοτόκε βοήθε)ι [τῷ σῶ δού]λω.

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.....

.....

.CΠAΘ.....

.XEP..

[Κωνσταντῆνῳ βασιλικῶ] σπαθαρίῳ [(καὶ) ἄρχ(οντι) Χερ[σῶ(νος)].

22. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 20 mm. Толщина пластинки ок. 4 mm. Аналогии: Алексеевко, Новые находки печатей..., № 13, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

. . . . | ΔΥ- Λ .

Θεοτόκε βοήθε)ι [τῷ σῶ] δούλ[ω]

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.....

.....

..... Θ'ΣΑΡΧ

.EPCO'

[Κωνσταντῆνῳ βασιλικῶ] σπαθ(αρίῳ) (καὶ) ἄρχ(οντι) [Χ]ερσῶ(νος).

23. Коллекция Ю.Самойленко. D – 22 mm. Толщина пластинки ок. 3 mm. Аналогии: Алексеевко, Новые находки печатей..., № 13, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

. W - . . . | . Υ - . . .

Θεοτόκε βοήθε)ι [τ]ῷ [σῶ δ]ού[λω].

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.....

.. NTHNW

... AΘ'SA..

.. P..

[Κωνσταντῆνῳ βασιλικῶ] σπαθαρίῳ (καὶ) ἄρχ(οντι) Χερ[σῶ(νος)].

24. Коллекция Ю.Самойленко. D – 22 mm. Толщина пластинки ок. 4 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 8; Смычков К.Д. Несколько неизданных печатей Херсона // НЭ. 1989. Т. XV. № 1; Алексеевко, Новые находки печатей..., № 7-8, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

. W - CW | . . - ΛW

Θεοτόκε βοήθε)ι [τ]ῷ σῶ [δού]λω

Реверс. Пятистрочная надпись:

.....

.. ANTI ..

.CΠAΘ..

.AP'XO...

.....

[Κωνσταντῆνῳ βασιλικῶ] σπαθαρίῳ [(καὶ) ἄρχ(οντι) Χερσῶ(νος)].

25. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 18 mm. Толщина пластинки ок. 4 mm. Аналогии: Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Ленинград, 1983. № 8; Смычков, Несколько неизданных печатей..., № 1; Алексеевко, Новые находки печатей..., № 7-8, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

.. - . . . | ΔΥ- Λ.

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῷ σῷ δούλῳ]

Реверс. Пятистрочная надпись:

.....

.....

... ΑΘΑΡ'

... ΧΟΝΤΗ'

.. ΡCWN

[Κωνσταντίνῳ βασιλικῷ] σπ[α]θαρ(ίῳ) [(καὶ) ἄρ]χουτῆ [Χε]ρσῶν(ος).

26. Коллекция Национального заповедника "Херсонес Таврический", б/№. D – ок. 20 mm. Толщина пластинки ок. 3,5 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 8; Смычков, Несколько неизданных печатей..., № 1; Алексеенко, Новые находки печатей..., №№ 7-8, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

.. - . . . | . . . - . . .

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῷ σῷ δούλῳ]

Реверс. Пятистрочная надпись:

.....

.....

. СПΑΘ . .

.. ΡΧΟΝ . . .

.....

[Κωνσταντίνῳ βασιλικῷ] σπαθ[α]ρ(ίῳ) (καὶ) ἄρ[χ]ου[τ]ῆ Χερσῶν(ος)].

27. Коллекция Ю.Самойленко. D – 18 mm. Толщина пластинки ок. 4 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 8; Смычков, Несколько неизданных печатей..., № 1; Алексеенко, Новые находки печатей..., №№ 7-8, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

.. - . . . | . . . - . . .

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῷ σῷ δούλῳ]

Реверс. Четырехстрочная надпись:

.. WN

.. ANTIN .

. СПΑΘΑ .

... ΧΟΝ . . .

.....

[Κων]στ[αντίν]ῳ βασιλικῷ] σπαθα[ρ]ι(ῳ) [(καὶ) ἄρ]χου[τ]ῆ Χερσῶν(ος)].

28. Коллекция Национального заповедника "Херсонес Таврический", инв. № 14809. D – 22 mm. Толщина пластинки ок. 3 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати ..., № 8; Смычков К.Д. Несколько неизданных печатей Херсона // НЭ. 1989. Т. XV. № 1; Алексеенко, Новые находки печатей ..., № 7-8, – та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

. W - C. | . . . - . . .

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῷ σ[ῷ] δούλῳ].

Реверс. Четырехстрочная надпись:

....
... NTIN .
.. ΠΑΘΑ .
.. Ρ'ΧΟΝ . .
. Ε

[Κωνστα]ντίν[ω βασιλικῶ] σ[παθα]ρ(ίω) (καὶ) ἄρ[χον]τη Χ[ε]ρ[σῶν(ος)].

29. Коллекция В.Леоненко. D – ок. 19 mm. Толщина пластинки 2 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 8; Смычков, Несколько неизданных печатей, № 1; Алексеевко, Новые находки печатей..., №№ 7-8, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

.. - . . | . . - . .
[Θεοτόκε βοήθ(ε)ι τῷ σῶ δούλῳ]

Реверс. Пятистрочная надпись:

....
..C.....
. AP.....
XEP . . .

[Κωνσταντίνω βασιλικῶ] σ[παθα]ρ(ίω) (καὶ) ἄρ[χον]τη Χερ[σῶν(ος)].

30. Коллекция Национального заповедника "Херсонес Таврический", инв. № 15778. D – ок. 22 mm. Толщина пластинки ок. 3 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 8; Смычков, Несколько неизданных печатей, № 1; Алексеевко, Новые находки печатей..., №№ 7-8, та же пара матриц.

Аверс. Стерта. Очевидно, крестообразная инвокативная монограмма, в углах которой тетраграмма: TW - CW | ΔΥ- ΛW

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι τῷ σῶ δούλῳ.

Реверс. Пятистрочная надпись:

....
. TAN
B/CIIA . . .
SAPX
X

[Κωνσ]ταντίνω βασιλικῶ] σπα[θα]ρ(ίω) (καὶ) ἄρ[χον]τη Χ[ε]ρ[σῶν(ος)].

31. Коллекция Ю.Самойленко. D – 22 mm. Толщина пластинки ок. 3,5 mm. Аналогий нет.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

.. - C. | . Υ- ΛW
Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῷ] σ[ῶ δ]ούλῳ

Реверс. Пятистрочная надпись:

....
| . . ANT.
. WBCTI . .
PSAP . . .
CO . . .

[Κωνστ]αντ[ίνω βασιλικῶ] σπα[θα]ρ(ίω) (καὶ) ἄρ[χον]τη Χερ[σῶν(ος)].

32. Коллекция Национального заповедника "Херсонес Таврический", инв. № 15443. D – ок. 30 mm. Толщина пластинки ок. 3 mm. Аналогии: Алексеенко, Новые находки печатей..., №№ 10-12, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная invocативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма TW - CW | ΔΥ- Λ.

Θεοτόκε βοήθε)ι τῷ σῶ δουλ[ω]

Реверс. Пятистрочная надпись:

....

. TANTIN

. . CTPATO

. SAPXXE

PCONOC

[Κων]ταντίν[ω βασιλικῶ] στρατο[ρ(ι)] (καὶ) ἄρχ(οντι) Χερσόνοσ.

33. Коллекция Ю.Самойленко. D – 24 mm. Толщина пластинки ок. 3 mm. Аналогии: Алексеенко, Новые находки печатей..., №№ 10-12, другая пара матриц.

Аверс. Крестообразная invocативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма . W - CW | ΔΥ- . .

Θεοτόκε βοήθε)ι [τ]ῷ σῶ δου[λω].

Реверс. Пятистрочная надпись:

. . WN .

. TANTI

. WB' . TP

. TSAPX

XEPC .

[Κ]ων[σ]ταντίν[ω βασιλικῶ] [σ]τρ[ά]τ(ορι) (καὶ) ἄρχ(οντι) Χερσ[ό]νοσ[ς].

Печати третьей группы также подразделяются на несколько серий. Их пять. К двум наиболее ранним относятся печати указывающие ранг императорского стратора (№№ 32-33). Первая из них – это уже четвертый известный нам экземпляр булл данного типа [5, с. 157-158, №№ 4-6]. Вторая принадлежит ранее неизвестной паре матриц. Стилистическая близость, одинаковые имя, ранг и должность владельца наводят на мысль об их принадлежности одному чиновнику. По характерным особенностям и содержанию надписи эти буллы следует отнести ко времени рубежа VIII-IX вв. или, по крайней мере, не позднее самого начала IX в. В пользу достаточно ранней датировки рассматриваемых моливдвулов, очевидно, свидетельствует и незначительный ранг владельца. Дж. Бюри, рассматривая вопрос о ведомстве страторов, отмечает, что они занимали невысокое положение и стояли по рангу ниже спафариев [10, р. 117-118]. То же положение для них отмечает и Н. Икономидис [17, р. 298]. По всей видимости, записанное в Тактиконе Успенского положение о принадлежности архонтов Херсона классу спафариев не всегда исполнялось, и иногда херсонскими архонтами становились лица, имевшие и другие придворные титулы [18, 1.82.3; 5, с. 156-157, №№ 1-3]. Наличие печатей Константина в ранге императорского спафария, принадлежащие трем различным парам матриц, достаточно близких по стилистике изображению печатям стратора, вероятно, может означать возможную принадлежность отдельных печатей с этим именем тому же самому персонажу, который в ходе своей придворной карьеры из страторов перешел в ранг

спафариев, что и нашло отражение на его моливдовулах. Использование для печатей Константина-спафария толстых кружков заготовок, характерного вытянутого шрифта и знаков сокращения свидетельствует о принадлежности этих памятников первой половине IX в. Они, очевидно, должны предшествовать печатям Григория и Григоры. Различная степень сохранности надписей на моливдовулах, как и в предыдущих случаях, позволяет реконструировать полный объем текста практически для каждой серии рассмотренных печатей.

I. № 32	II. № 33	III. № 19-23	IV. № 24-30	V. № 31
+KWN	+KWN	+KWN	+KWN	+KWN
STANTIN	.TANTIN	СТАНТННW	СТАНТИNW	.TANT.
WBCTPATO	WB'CTP	BCΠAΘ'SAPX	B'CTΠAΘAP'	.WBCΠ.
PSAPXXE	ATSAPX	XEPCO'	SAP'XONTH	PSAPX .
PCONOC	XEPC.		XEPCWN	CO . . .

Заключительная группа моливдовулов – 9 экземпляров, объединяет в себе также несколько серий печатей. Но, к сожалению, из-за неполной сохранности на них не удалось выявить имя владельца. Исследование печатей херсонских архонтов показало, что многие экземпляры выполнены на заготовках значительно меньших размеров, чем требовалось для полного оттиска матрицы. В связи с этим начальные буквы имени или же имя целиком выходили за край поля заготовки. В отдельных случаях сопоставление таких печатей с буллами, на которых имя владельца известно, позволяет восстановить принадлежность к тому или иному лицу, как это стало возможным для отдельных наших экземпляров (печати №№ 4, 6-10, 12-14, 17, 19, 21-22, 25-26, 29). Вероятно, появление в дальнейшем новых моливдовулов архонтов Херсона позволит восстановить имена владельцев и на тех экземплярах, на которых сегодня это сделать не удалось.

34. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 20 mm. Толщина пластинки ок. 3 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 6, 13; Смычков, Несколько неизданных печатей..., № 2; Алексеевко, Новые находки печатей..., № 9, очевидно, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

. . . . | ΔΥ- Λ .

Θεοτόκε βοήθη(ε)ι [τῷ σῶ] δούλ[ω]

Реверс. Пятистрочная (?) надпись:

...

....

.... ΛΘ' . .

. ΧΟΝΤ'Χ .

. CONW .

[..... β(ασιλικῶ) σπ]αθ(αρίω) [(καί) ἄρ]χοντ(ι) Χ[ε]ρ[σ]όνω[ς].

35. Коллекция А.Коршенко. D – 22 mm. Толщина пластинки ок. 3 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., № 6, 13; Смычков, Несколько неизданных печатей..., № 2; Алексеевко, Новые находки печатей..., № 9, очевидно, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма. В углах тетраграмма

. W - . . | ΔΥ- . .

Θεοτόκε βοήθη(ε)ι [τῷ] [σῶ] δούλ[ω]

Реверс. Пятистрочная (?) надпись:

...

... ΠΑΘ' ...
 ... ONT'X ...
 ... N ...

[..... β(ασιλικῶ) σ]παθ(αρίῳ) [(καὶ) ἀρ]χουτ(ι) Χ[ε]ρσό[ν]ω[ς].

36. Коллекция Национального заповедника "Херсонес Таврический", инв. № 15444. D – ок. 20 mm. Толщина пластинки ок. 3 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., №№ 6, 13; Смычков, Несколько неизданных печатей..., № 2; Алексеенко, Новые находки печатей..., № 9, очевидно, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная invocativная монограмма. В углах тетраграмма

.. - .. | . Y - Λ W

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῶ σῶ δ]ούλω

Реверс. Пятистрочная (?) надпись:

...

...
 WB/СПА ...
 . XON ...
 PCON ...

.....ω β(ασιλικῶ) σπα[θ(αρίῳ) [(καὶ) ἀρ]χουτ(ι) Χε]ρσό[ν]ω[ς].

37. Коллекция Ю.Самойленко. D – 18 mm. Толщина пластинки ок. 2 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., №№ 6, 13; Смычков, Несколько неизданных печатей..., № 2; Алексеенко, Новые находки печатей..., № 9, очевидно, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная invocativная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

.. - .. | Δ Y - ..

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῶ σῶ δ]ού[λ]ω

Реверс. Пятистрочная (?) надпись:

...

...
 ...
 . XONT/
 . CONW.

[..... β(ασιλικῶ) σπαθ(αρίῳ) (καὶ) ἀρ]χουτ(ι) [Χε]ρσό[ν]ω[ς].

38. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 19 mm. Толщина пластинки ок. 2,5 mm. Аналогии: Соколова, Монеты и печати..., №№ 6, 13; Смычков, Несколько неизданных печатей..., № 2; Алексеенко, Новые находки печатей..., № 9, очевидно, та же пара матриц.

Аверс. Крестообразная invocativная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

.. - .. | . Y - . W

Θεοτόκε βοήθ(ε)ι [τῶ σῶ δ]ού[λ]ω

Реверс. Пятистрочная (?) надпись:

...

...
 ...
 .. СП ...
 . XONT/ ...
 .. ONW .

[..... β(ασιλικῶ)] σπ[αθ(αρίῳ) (καὶ) ἀρ]χουτ(ι) [Χε]ρσό[ν]ω[ς].

39. Коллекция Ю.Самойленко. D – 19 mm. Толщина пластинки ок. 2 mm. Аналогии: Sandrovskaja, Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak., S. 96. № M-12463, та же пара матриц. Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V). В углах тетраграмма

.. - C. | . Y- ΛΟ

Θεοτόκε βοήθει [τῷ] σ[ῶ] δ[ού]λο

Реверс. Пятистрочная надпись:

.....

.....

. Θ/ΚΕΛ .

. ΟΝΧΕΡС

ΟΝΟС+

[..... βασιλικῶ] спа]θαρίω) κέ ἀρχ]ον(τι) Χερσόνος.

40. Коллекция Ю.Самойленко. D – 18 mm. Толщина пластинки ок. 3 mm. Аналогии установить сложно из-за плохой сохранности.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V?). В углах тетраграмма

TW - .. | ΔΥ - ..

Θεοτόκε βοήθει τῷ [σῶ] δού[λω]

Реверс. Пятистрочная (?) надпись:

.....

.....

.....

. ΑΡΧΧ. . .

.....

[..... βασιλικῶ] спаθ(αρίω) (καὶ) ἀρχ]ον(τι) Χ[ερσόνος].

41. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 20 mm. Толщина пластинки 3 mm. Аналогии установить сложно из-за плохой сохранности.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V?). В углах тетраграмма

. W - .. | . Y- ..

Θεοτόκε βοήθει [τῷ] σ[ῶ] δ[ού]λω]

Реверс. Четырехстрочная надпись:

... ΗΓ.

... 'CΠ.

.. ΟΝΤ' . .

. C . . .

[...ηγ... βασιλικῶ] σ[παθ(αρίω) (καὶ) ἀρχ]ον(τι) Χ[ερσ]όνως].

42. Коллекция Ю.Самойленко. D – ок. 18 mm. Толщина пластинки ок. 2 mm. Аналогии установить сложно из-за плохой сохранности печати.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма (тип V?). В углах тетраграмма

. W - .. | ΔΥ - ..

Θεοτόκε βοήθει [τῷ] σ[ῶ] δού[λω]

Реверс. Четырехстрочная (?) надпись:

.....

.. ΠΑΘ . .

.. ΝΤ/Χ

.. W . . .

[..... βασιλικῶ] σ[παθ(αρίω) [(καὶ) ἀρχο]ν(τι) Χ[ερσ]ῶ[νως].

Моливдовулы последней группы отвечают всем характерным особенностям византийских булл IX в., что позволяет их отнести, как и рассмотренные ранее моливдовулы, к первой половине столетия.

Таким образом, новые находки печатей архонтов Херсона четко укладываются в разработанную исследователями схему и полностью соответствуют ранее известным образцам. Вместе с тем, суммируя полученную информацию с уже имевшимися данными, мы пришли к заключению, что находящиеся в нашем распоряжении сведения позволяют не только снова вернуться к дискуссионной проблеме о месте и роли херсонских архонтов, но и снять часть спорных вопросов.

Для того, чтобы разобраться в сути нашей проблемы обратимся к ее истокам. В советской историографии херсонским архонтам долгое время традиционно отводилась роль чиновников местного самоуправления, осуществлявших коллегиальное управление городской общиной [2, с. 93; 9, с. 115].

В западной литературе, напротив, существовало несколько различных точек зрения. Только один Я.Ферлуга считал их представителями некоего местного органа самоуправления [14, с. 90]. По мнению Дж.Бюри, упоминаемые в византийской Табели о рангах архонты Херсона, это не что иное как анахронизм, появившийся в результате того, что переписчик текста табели забыл вычеркнуть должности, к его времени уже не существовавшие [10, р. 9]. Г.Острогорский видел в архонтах Херсона реальных должностных лиц византийской администрации [11, с. 47]. Э.Гликатци-Арвейлер склонна была видеть в них начальников небольших военных подразделений, подчиненных стратигу области [13, р. 54]. Сторонником византийской версии относительно недавно выступил и И.А.Баранов, предложивший считать херсонских архонтов имперскими чиновниками, в ведении которых находились вопросы обороны на подвластной им территории [4, с. 139].

К версии Я.Ферлуги, вслед за И.В.Соколовой, присоединился и автор настоящей статьи при публикации новых печатей представителей херсонской администрации, в то время еще не располагавший достаточным количеством данных для какого-либо пересмотра данной версии [5, с. 168]. Однако продолжение изучения херсонских моливдовулов и анализ различных точек зрения исследователей позволили сделать важные наблюдения и создали все необходимые предпосылки для такого исследования.

В первую очередь, обращают на себя внимание определенные несоответствия в концепции И.В.Соколовой, представленной в её монографии "Монеты и печати византийского Херсона". В рассуждениях исследовательницы наблюдается своеобразное раздвоение точек зрения на предмет административной принадлежности херсонских архонтов и их количество. Сначала, для периода начала VIII в., по мнению автора монографии, херсонский архонт выступал как представитель центральной власти [9, с. 113]. Причем следует подчеркнуть утверждаемую без тени сомнения единоличность этого должностного лица. Правда, его присутствие в городе исследовательница предполагала лишь в результате конфликта горожан с императором. В дальнейшем же, основываясь на тексте Тактикона, изданного Ф.И.Успенским [19, с. 111-129], она уже говорит о коллегиальности института архонтов и причисляет этих чиновников к муниципальному аппарату, обосновывая свою точку зрения невозможностью наличия нескольких византийских правителей в одном городе [9, с. 115]. Аналогичные тезисы звучали и в более ранних работах [20, с. 22-23; 1, с. 208; 2, с. 93-96].

В попытке установления истины, в первую очередь обратимся к письменным свидетельствам, проливающим свет на интересующую нас тему.

Основными источниками по данному вопросу являются несколько упоминаний архонтов Херсона в византийских письменных источниках – это известная Табель о рангах, изданная Ф.И.Успенским, сообщения Константина Багрянородного, хроники Феофана и Никифора. Причем названный первым – Тактион, надо полагать, является основополагающим. В основном, именно благодаря ему формировались различные точки зрения о статусе херсонских архонтов, вызвавшие столь оживленную полемику среди ученых-византинистов.

Как известно, одним из дискуссионных по-прежнему оставался вопрос о количественном составе архонтов Херсона. Как нам представляется, его решение самым тесным образом связано с определением их места в структуре городских властей.

Появившаяся в начале 90-х годов, работа югославского исследователя Л.Маргетич о провинциальных архонтах Тактиконе Ф.Успенского дала определенный толчок в решении этой проблемы [21, с. 45-59]. Дальнейшее развитие она нашла в исследовании Ж.-К.Шене, пришедшего к заключению об отсутствии в Херсоне коллегиального правления архонтов [22, с. 310-317]. Значительное увеличение числа моливдовулов архонтов в последнее время существенно дополнило известную ранее информацию об этой категории должностных лиц. Ее анализ и сопоставление с другими данными позволяют нам на данном этапе присоединиться именно к точке зрения, высказанной французским исследователем.

Однако, обратимся к самим первоисточникам. В первую очередь следует заметить, что только в Тактиконе Успенского отмечается явная многочисленность архонтов, которых традиционно связывали с Херсоном [19, с. 115(13)]. Что же касается сообщений Константина Багрянородного, то в единственном отрывке, где речь идет об их множественном числе, явно повествуется не только об архонтах Херсона, но и о властителях соседних мест. Передавая разговор Петроны Каматира с императором Феофилом, Константин пишет в 42 главе своего трактата «Об управлении империей»: «Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упустить их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам» [23, р. 184 (41-54)]. Из чего на наш взгляд можно было бы заключить, что речь идет о множественности и протевонов, и архонтов в Херсоне. Однако далее протевон назван единоличным правителем, и ему предписывалось подчиняться назначенному императором стратигу [23, р. 184]. Таким образом получается не совсем ясная картина: все же о каких архонтах идет речь в трактате «Об управлении империей»?

Остальные известные нам источники всегда упоминают архонта Херсона исключительно в единственном числе [24, р. 372-380; 25, р. 44-47; 26, р. 527-528; 27, р. 108-113]. Надо полагать, уже это обстоятельство обращает на себя особое внимание. К сожалению, очень трудно судить, насколько точно передают исторические факты древние авторы, тем более, при описании давно минувших событий. Некоторые исследователи весьма критически подходят к анализу исторической информации, содержащейся в сочинениях Константина Багрянородного [28, с. 255-264; 29, с. 262-263; 30, р. 137; 4, с. 139]. Тем не менее, вряд ли необходимо сомневаться, что в рассматриваемых сочинениях византийских авторов идет речь о правителях крымских укрепленных городов, должность которых представлена одним общим термином – архонт.

Однако вернемся к нашему главному источнику – Тактикону Успенского, время составления которого исследователи относят к концу первой половины IX столетия [10, р. 12-13; 11, с. 40-48; 31, р. 47].

Следует отметить, что крымская тематика дважды отражена в этом официальном византийском документе. Сначала среди чиновников первого ранга – патрикиев, назван стратиг фемы Климатов – ὁ πατρίκιος καὶ στρατιγὸς τῶν Κλιμάτων, а затем уже в третьем классе – императорских спафариев, архонты Херсона – οἱ ἀρχ(οντες) Χερ(σῶν)ος (ἀρχσῶνος) [31, р. 49(19), 57(13)]. Присутствие в начале строки артикля множественного числа казалось бы не оставляет сомнения в количественном составе херсонских архонтов. Это обстоятельство послужило главным аргументом в пользу точки зрения отдельных исследователей о коллегиальности института архонтов и, соответственно, их принадлежности к муниципальным органам власти. Существовавшая в империи административная система, несомненно, исключала всякую возможность наличия в одном месте нескольких имперских правителей одновременно. В настоящее время нет необходимости подробно останавливаться на концепции И.В.Соколовой по этому вопросу, имеющей, на наш взгляд, определенные противоречия. Отметим лишь то, что используя для своих выводов отмеченные нами строки Тактикона, большинство исследователей, как правило, берут за основу рассматриваемый фрагмент текста, забывая что это лишь предполагаемая издателем реконструкция “испорченного” при записи документа.

Ф.И.Успенский, в силу сложившихся в то время традиций, при публикации Тактикона дает текст гладко, не указывая на имеющиеся в отдельных случаях явные ошибки составителя или переписчика [19, с. 111-119]. В какой-то мере это положение исправляет В.Бенешевич при издании сводной таблицы о рангах. Однако и он в интересующем нас участке показывает лишь часть текстовой лакуны [32, S. 140]. Ему следует и Н.Икономидис, правда, все же указывая в справочном аппарате истинное начертание строки – οἱ ἀρχσῶνος [31, р. 57, п. 13]. На факт существования именно такой формы надписи обращает внимание югославский исследователь Л.Маргетич. Вместе с тем, указывая на лакуну в тексте, он, следуя традиционной схеме, все-таки восстанавливает текст строки в привычной модели – οἱ ἀρχ(οντες) Χερ(σῶν)ος [21, с. 53].

Испорченность фрагмента текста Тактикона несомненна, и перед нами явная небрежность писца. Здесь можно было бы предположить сокращение слов. Однако принять словообразование ἀρχσῶνος за какое-либо сокращение не только маловероятно, но и невозможно. Впрочем первую часть – ἀρχ – еще можно было бы считать традиционным сокращением термина «архонт», подобно тому, как оно имеет место на отдельных моливдовулах этих должностных лиц [9, с. 146-149, № 5-5а, 11-11а, 12; 33, р. 96-97; 18, р. 184, 82.2]. Причем на печатях это в большинстве случаев продиктовано ограниченностью места, необходимого для размещения надписи, чего никак нельзя сказать о письменном источнике. Что же касается второй части словосочетания, несомненно представляющей окончание термина, связанного с определенным топонимом, то ее уже никак нельзя принять за какую-либо форму сокращения слова.

Все это лишний раз убеждает нас в наличии здесь именно пропуска некоторого объема текста. Попробуем предположить, что же все-таки было опущено исполнителем записи рассматриваемого текста Тактикона? Комплексный анализ самого источника и сопоставление известных сведений о Херсоне с аналогичной информацией о других провинциях

империи, на наш взгляд, позволяют получить один из наиболее вероятных ответов на этот вопрос.

Содержащаяся в Тактиконе информация, свидетельства других письменных источников, а также данные памятников сфрагистики при расшифровке рассматриваемого участка текста естественно не могли не привести исследователей к архонтам Херсона. Однако, определив для них, согласно записи, известную многочисленность, на наш взгляд, была использована лишь одна из возможных вероятностей, да и то, как представляется, не вполне отвечающая историческим реалиям. Логичнее было бы предположить другое.

Осмелимся еще раз напомнить о существовании двух позиций Тактикона, указывающих на имперских функционеров Таврики. В свое время Г.Острогорский полагал, что упоминание стратига Климатов и архонтов Херсона в одном документе вызвано тем, что составитель текста табели для новых фем, бывших ранее архонтиями и получивших статус стратигий, указал и старое, и новое названия должности правителя области [11, с. 43]. Но, судя по всему, для этого нет достаточных оснований. Скорее всего здесь упоминаются чиновники различного должностного уровня. Об этом в первую очередь свидетельствуют статусы этих должностей, весьма отличающиеся и по значимости, и по рангу. Данное положение подтверждает и сообщение Константина Багрянородного, отмечающее требование подчинения местных архонтов и протевонов назначенному императором стратигу [23, р. 184]. В качестве дополнительного аргумента можно привести еще один пример. Практически аналогичное административное положение известно в феме Диррахий, для которой в Тактиконе также назван стратиг и многочисленные архонты [31, р. 49(17), 57(11)]. Вместе с тем, здесь проблема количественного состава местных архонтов достаточно подробно исследована и можно считать доказанным, что эта фема, являясь самой западной пограничной областью, имела своеобразную специфику в организации управления, предполагавшую наличие своего правителя-архонта в каждом укрепленном центре, общее руководство которыми осуществлял стратиг области [34, р. 177; 35, (17) р. 3-11, (21) р. 140 et suiv.; 36, S. 162, n. 4; 37, с. 117-131]. Н.Икономидис отмечает, что Диррахий объединял в себе 30 городов-крепостей [31, р. 352].

Как нам представляется, близкую ситуацию мы имеем и в Таврике, хотя и не обладавшей таким количеством крепостей. Специфика стратегического положения обеих провинций, одной – на западных, другой – на северных рубежах империи, скорее всего, обусловила создание весьма близкой, если не точно такой же, системы государственного управления в Херсоне. И, очевидно, совсем не случайно для Таврики письменные источники, как правило, упоминают не просто херсонских архонтов, а архонтов некой территории, включающей Херсон и другие укрепленные центры византийского пограничья на полуострове [24, р. 372-380; 25, р. 44-47; 38, № 191].

В нашем случае особо следует подчеркнуть постоянное упоминание имени Херсона в соседстве с готскими климатами, атрибутику и значение которых прекрасно подытожил в последнее время К.Цукерман [39, с. 316-321]. Определение климатов как малых административных районов Готии [39, с. 319; 40, с. 24], каждый из которых имел своего правителя-архонта, надо полагать, многое объясняет и в рассматриваемом отрывке текста Тактикона. Например, становится понятным, почему в этом официальном документе фигурируют и стратиг, и архонты. Очевидно, не стоит сомневаться в том, что записанные в Тактиконе сведения отражали действовавшую в то время структуру фемного управления

в Причерноморском регионе, где общее руководство было поручено присланному из столицы стратигу, имевшему в непосредственном подчинении ряд местных правителей-архонтов, каждый из которых возглавлял свой собственный небольшой округ, подобно тому как это было принято в Диррахии.

Как показывают современные исследования, создание фемы в Таврике было продиктовано очередной военной угрозой границам Византии, возникшей к середине IX в. в Северном Причерноморье [39, с. 320; 40, с. 25-26; 41, с. 91]. В этой связи изменение статуса этой территории, проявившееся в объединении под единым началом нескольких местных архонтий, безусловно, должно было бы способствовать более успешному отражению нашествия и защите имперских интересов в Таврике. Ф. Дельгер относил эти события к 837 году [42, S. 52, п. 431]. Но как показал К. Цукерман, более очевидна дата 841 год, аргументация которой основана на критическом анализе реальных исторических событий: хазарского посольства и возведения Иоанна VII на патриарший престол [39, с. 312-316].

Учитывая вышеизложенное, мы пришли к заключению, что вероятнее всего наличие артикля множественного числа в интересующем нас отрывке текста Тактикона означает присутствие здесь перечисления нескольких правителей-архонтов укрепленных центров Таврики, в том числе и Херсона, подобно тому, как это имеет место в других письменных источниках. Сопоставляя нашу информацию с данными Тактикона о Таврике и сведениями по аналогичным архонтиям Диррахия, Кипра, Далмации, а также факт названия главы новой фемы *στρατιγὸς τῶν Κλιμάτων*, мы считаем, что разумнее всего было бы предположить, что переписчик текста Табели пропустил именно термин Климаты. В таком случае реконструкция рассматриваемого фрагмента выглядела бы следующим образом: *οἱ ἄρχοντες τῶν Κλιμάτων καὶ Χερσῶνος*. Впрочем, мы не исключаем, что в этот перечень мог быть включен даже Боспор: *οἱ ἄρχοντες τῶν Κλιμάτων καὶ Βοσπόρου καὶ Χερσῶνιος*. Такая форма записи уже сама по себе многое бы объясняла. Кроме того, приняв тот или иной вариант текста, на наш взгляд, сами собой разрешаются отдельные дискуссионные вопросы, связанные со статусом херсонских архонтов. Данные варианты реконструкции испорченного участка текста Тактикона, как нам представляется, наиболее точно отражают реальную ситуацию в управлении провинцией, сложившуюся ко времени составления этого документа. Нет ничего необычного и в перечислении нескольких географических центров. Даже в самом Тактиконе несложно отыскать несколько аналогичных примеров [31, р. 55(2-3), 57(17-18)].

Очевидность данной реконструкции лишней раз подкрепляется многочисленными упоминаниями имени Херсона именно в сочетании с готскими климатами или же с климатами и Боспором. Причем особо следует выделить, что Херсон всегда представляется как самостоятельный центр, а вот крепости или города климатов в таком виде никогда не упоминаются. Уж не означает ли это его особое отношение к феме Климатов и какой-либо специальный статус в составе новой административной единицы?

Между тем, сопоставляя все известные сведения о правителях-архонтах готских климатов и других подобных территорий, невольно напрашивается вывод о том, что и в Херсоне, несомненно, должен существовать аналогичный чиновник, осуществлявший единоличное управление городом от имени императора. Согласно византийской традиции здесь, даже с учетом традиций античного полиса и существования органов муниципальной

власти в лице протевона и других “первенствующих”, судя по всему, и не могло быть каких-либо иных форм управления. Введение же в научный оборот коллегии из нескольких архонтов, как сегодня представляется, не имеющих отношения к органам самоуправления, явилось следствием неточно интерпретированного первоисточника и, очевидно, недостаточного в то время объема информации по этой проблеме.

Решение вопроса о количественном составе херсонских архонтов в пользу единоличного правления само по себе снимает и ряд недоуменных вопросов, связанных с их ролью и статусом в структуре городской администрации, в свое время возникавших и у И.В.Соколовой, и у других исследователей.

Так, например, присутствие этого должностного лица в списке официальных представителей византийского государственного аппарата наряду со стратигом фемы Климатов в свете последних данных не оставляет сомнения в его именно государственных функциях, а отнюдь не муниципальных. Вывод, от которого в свое время вынуждена была отказаться И.В.Соколова, не найдя объяснения многочисленности этих чиновников, хотя отдельных архонтов все же относил к государственным служащим [2, с. 92-94]. Не будем вдаваться в подробности насколько ревностно выполняли свои обязанности те или иные исполнители этой должности, заметим лишь то, что, являясь представителем местной аристократии, архонт Херсона, вне всякого сомнения, самым тесным образом сотрудничал с местной городской общиной и не исключено, что в известной мере защищал ее интересы. Однако, все-таки это был государственный служащий, который за определенные провинности мог быть смещен со своего поста центральной властью. Примером тому служит известный пассаж из хроники Феофана о назначении архонтом Херсона спафария Илии, оруженосца императора Юстиниана II [24, р. 372-380]. Причем это свидетельство письменного источника, на наш взгляд, можно рассматривать и как дополнительный аргумент в пользу безусловно единоличного правления архонта в Херсоне. Своеобразна на этот счет точка зрения В.Е.Науменко, усматривающего в этом факте попытку императора ограничить самостоятельность областей Таврики. Первоначально определяя должность архонта как начальника местного ополчения, исследователь традиционно считает назначенного из центра архонта главой местного самоуправления, вместе с тем являющегося и чиновником на византийской службе [40, с. 24]. Однако, как известно, городскую общину в это время возглавлял протополит, осуществлявший вместе с советом из “первенствующих” управление городским хозяйством. В этой связи статус городского архонта следует определять как представителя имперской администрации, по-видимому, призванного контролировать деятельность местных властей и отстаивать интересы империи. Судя по всему, в его руках находилась вся полнота власти – от контроля за уплатой налогов и податей до решения вопросов войны и мира на отведенной ему территории-архонтии. В начале IX в. к этому, надо полагать, добавилась еще одна функция – необходимость защиты границ Византии в составе имперских вооруженных сил, руководство которыми осуществлял назначенный императором стратиг, ставка которого вероятнее всего находилась именно в Херсоне.

О безусловном единоличном исполнении должности архонта в Херсоне, на наш взгляд, свидетельствует и анализ данных памятников сфрагистики.

Несмотря на существенное увеличение количественного состава печатей архонтов (77 экз. против 12 в каталоге И.В.Соколовой. См. Приложение № 1), круг лиц, которым

они принадлежали, вырос лишь незначительно. За все время выявлено только восемь имен херсонских архонтов (Савва, Зоил, Григора, Григорий, Евстафий, Леонтий, Константин и Феодот). Как было отмечено ранее, сравнительный анализ штемпелей печатей позволил в значительной мере сократить количество безымянных моливдовулов. Между тем, это практически не дало роста численности исполнителей этой должности. На данный момент мы определяем их число не более 10-12 человек, что для коллегиального органа власти, действовавшего на протяжении по крайней мере полуторавекового периода, несомненно недостаточно. Полагать, что архонты Херсона могли иметь только указанные выше имена, нам представляется слишком маловероятным. Выделение из общего числа печатей экземпляров, принадлежащих одной паре матриц, а также отражающих продвижение владельцев печатей по иерархической лестнице (например, рост титула: стратор – спафарий), еще в большей степени сужает возможное количество лиц, занимавших эту должность. Если все же допустить, что каждый экземпляр печати с одинаковым именем, но отличающийся по штемпелю, принадлежал отдельному архонту, то их число и в этом случае все равно не превысит двух десятков. Даже с учетом, как правило, весьма длительного срока службы местных функционеров из них трудно составить какой-либо коллегиальный дееспособный орган. Напротив, более очевидно, что незначительное количество известных представителей этой должности, при достаточно большом количестве печатей, скорее всего, предусматривает существование в Херсоне как раз таки единоличной должности архонта и кроме этого отражает достаточно редкую сменяемость этих чиновников, отдельные из которых могли исполнять свои обязанности на протяжении десяти и более лет, сменив при этом по несколько буллотириев. Прекрасным подтверждением этому являются сами моливдовулы херсонских архонтов.

Таким образом, сопоставляя имеющиеся в нашем распоряжении сведения письменных источников с новейшими данными памятников сфрагистики, мы пришли к заключению, что в VIII – первой половине IX вв., до основания в Таврике фемы Климатов, Херсон вне всякого сомнения является архонтией – малым административным округом византийских владений, во главе которого стоял чиновник-архонт, византийский военный администратор, осуществлявший здесь единоличное управление городским хозяйством с прилегающей территорией. В этой связи попытаемся определить относительную хронологию всех известных на данный момент моливдовулов херсонских архонтов и на ее основе проследить развитие этого института власти и его замену фемной администрацией.

Как известно, существование архонтата в Херсоне зафиксировано в византийских письменных источниках уже в начале VIII века [24, р. 372-380; 25, р. 44-47]. Согласно Тактикону Успенского местные архонты состоят в третьем классе обширного чиновничьего аппарата империи и имеют ранг императорских спафариев [19, с. 115]. Моливдовулы херсонских архонтов не только подтверждают эти сведения, но и в известной мере их дополняют.

Печати архонтов VIII века, к сожалению, весьма не многочисленны. По всей видимости, одной из самых ранних следует считать печать ипата и спафарокандидата Феодота [5, с. 156, № 1]. Между тем следует заметить, что появление титула спафарокандидат, согласно авторитетному мнению Дж. Бюри, традиционно относилось к IX в. [10, р. 26-27]. Н. Икономидис, ссылаясь на свидетельства письменных памятников [43, р. 360; 44, р. 11; 45, р. 123; 23, ch. 42(49); 46, с. 151, 153 et suiv.; 47, с. 956, 984], указывает на существование

этого придворного ранга уже в первой половине столетия [31, р. 297]. Г.Заκος и А.Веглери напротив, отмечая появление титула спафарокандидата только в "Клиторологии" Филофея и его отсутствие в Тактиконе Успенского, приходят к заключению о введении этого ранга в дворцовую практику после 850 г. [48, р. 972]. Вместе с тем чиновники, открывающие третий класс Тактикона Успенского – класс императорских спафариев [19, с. 123], в издании Н.Икономидиса как ни странно указаны в ранге императорских спафарокандидатов [31, р. 53(22-24)]. В этой связи, при публикации рассматриваемой печати не был специально рассмотрен вопрос о её датировке. Мы решили ограничиться лишь причислением буллы к группе моливдовулов рубежа VIII-IX вв. [5, с. 157]. Однако стилистические особенности этого экземпляра говорят о необходимости его датировки временем около середины VIII в. Сфрагистический тип печати представлен традиционной для VIII-IX вв. крестообразной инвокативной монограммой. Между тем расположение имени владельца в углах монограммы на лицевой стороне печати вместо традиционной тетраграммы является характерным признаком именно VIII в. В.С.Шандровская на примере печатей из собрания Эрмитажа прекрасно обосновала необходимость датировки памятников подобного типа в пределах конца VII – начала VIII вв. [49, с. 244-253]. Использованный здесь сфрагистический тип, сочетающий монограмму и имя, известен на византийских печатях, которые датируются исследователями именно в пределах первой половины VIII столетия [50, с. 54; 17, р. 40-41, 44-45; 48, р. 971-972, 996-999; 51, с. 112, № 316; 52, р. 557-358, № 487; 53, р. 61-62, № 72; 54, р. 336, 515, 602-603]. О несомненно ранней датировке рассматриваемого памятника свидетельствует не только размещение имени владельца печати на лицевой стороне, но и полное начертание надписи без каких-либо знаков сокращения, а также палеографические особенности начертания отдельных литер [49, с. 251; 55, с. 111-112].

Кроме того, необходимо отметить, что весьма близки по стилю изображения и шрифту нашему экземпляру моливдовулы хорошо известного комита Опсикия, полководца Юстиниана II патрикия Васваракурия, которые совершенно определенно датируются временем не позже 711 года, так как известно, что в этом году Васваракурий погиб в бою [50, с. 54-55, № 8-9; 17, р. 40-41, № 28]. Расположение имени владельца на лицевой стороне мы находим и на печатях еще одного из комитов фемы Опсикий, патрикия Исойи [50, с. 206-207, № 7-8] и куропалата Артавазд, также относящихся к этому же времени [48, р. 1729, № 3078; 17, р. 44-45, № 33; 56, р. 37-38, № 10].

Принимая во внимание все это, а также предложенную В.С.Шандровской классификацию моливдовулов интересующего нас типа [49, с. 252-253] и характерные особенности нашей находки, ее безусловно следует отнести к памятникам первой половины VIII столетия. В связи с этим весьма интересно присутствие на печати Феодота титула спафарокандидата. Следует отметить, что это не исключительный случай для византийской сфрагистики VIII в. Очень близкая по стилю печать издана В.Лораном [53, р. 61-62, п. 72]. Еще один подобный экземпляр опубликовал Б.А.Панченко, отметивший ее несомненный интерес для византийской истории [51, с. 112, № 316]. По всей видимости, наличие этого титула на указанных печатях констатирует факт, что его появление среди рангов византийской придворной знати относится ко времени не позднее середины VIII в.

К группе самых ранних печатей архонтов, вне всякого сомнения, принадлежит и печать ипата Саввы [9, с. 145. № 1]. Издатели датировали ее второй половиной VIII в. [48, р.

1284]. И.В.Соколова, учитывая эпиграфические и палеографические особенности, не исключая датировку издателей, все же склонна была к более ранней – не позднее первой половины VIII столетия [2, с. 91]. Переиздавшие этот памятник Дж.Несбит и Н.Икономидис ограничились более широкой датировкой – VIII в. [18, р. 184]. Нам думается, что более обоснована точка зрения И.В.Соколовой, к которой мы и присоединяемся. Вероятное сосуществование типов с использованием имени в углах монограммы и формулы τῷ δοῦλω σου [49, с. 253], скорее всего, обуславливает хронологическую близость моливдовулов Саввы и Феодота. Между тем, несмотря на то, что на обеих печатях надписи выполнены без каких-либо знаков сокращения и в начертании литер присутствуют элементы характерные для интересующего нас времени [57, S. 161, 268-269, 321, 341; 55, с. 111], общий характер шрифта булл Феодота все же несколько отличается. Он более мелкий и не такой широкий. Вероятно, эти незначительные изменения свидетельствуют о начавшейся тенденции по формированию нового шрифта, сложившегося во второй половине VIII в. и характерного для печатей стратигов фем этого периода [55, с. 113]. Однако, отсутствие знаков сокращения, появившихся на византийских печатях, по-видимому, в конце первой четверти VIII в. [16, с. 158; 55, с. 112], требует отнесения данных моливдовулов к указанному выше периоду.

К моливдовулам VIII в. мы относим и два экземпляра печатей архонта Евстафия. Первый, изданный Дж.Закомсом и А.Веглери [48, р. 1742, п. 3106], затем был представлен в каталогах И.В.Соколовой [9, с. 147. № 7] и Думбартон Оакс [18, р. 183-184, п. 82.1]. Издатели датировали этот памятник второй половиной VIII в. [48, р. 1742]. К аналогичной датировке склонялась и И.В.Соколова [9, с. 76]. В то время как Дж.Несбит и Н.Икономидис предполагают значительно более широкие границы датировки – VIII/IX вв. [18, р. 184]. Изданный нами экземпляр из комплекса печатей предполагаемого архива, как удалось установить, принадлежащий той же самой паре матриц, мы относили ко времени не позднее рубежа VIII/IX вв. [5, с. 159]. Вероятность предлагаемой датировки, как нам представляется, в значительной степени подкрепляется характерными особенностями херсонесской находки. Напомним, что этот моливдовул имеет не совсем обычный вид. Первоначально складывалось впечатление, что печать оттиснута двумя оборотными сторонами разных булл. В ходе исследования выяснилось, что мы имеем дело со вторичным использованием моливдовула, когда поверх одного изображения было наложено другое. Данное обстоятельство в определенной мере способствует уточнению датировки печатей архонта Евстафия. Вторая сторона рассматриваемой печати представлена пятистрочной (?) надписью, выполненной крупным глубоко врезанным шрифтом, характерным для второй половины VIII в., без использования каких-либо знаков сокращения. Надпись гласит: Κωνσταντίνῳ βασιλικῷ σπαφάρῳ. Моливдовулы такого типа достаточно широко известны в Херсоне [5, с. 159]. Среди комплекса булл предполагаемого архива нам удалось выявить еще один экземпляр печати спафария Константина, в деталях совпадающий со второй стороной моливдовула Евстафия и дающий представление о типе лицевой стороны (не издан). Сфрагистический тип на ней представлен инвокативной монограммой, близкой по начертанию с изображением монограммы на булле Евстафия из собрания Думбартон Оакс [18, п. 82.1.], очевидно, представляющей вариант VIII типа по В.Лорану, с формулой τῷ σῷ δοῦλω. Но, что самое примечательное, здесь также имеются следы двойного оттиска. Однако на этот раз владельцем печати оказался

одноименный сановник, имевший такой же ранг как и его предшественник, но печати принадлежат различным парам матриц. Отличаются они и по общему характеру шрифта. Кроме того, на новом экземпляре присутствует знак сокращения в виде волнистой линии во всю высоту строки, утвердившийся на печатях в третьем – шестом десятилетиях VIII в. [16, с. 158]. Таким образом, данный моливдовул полностью соответствует критериям, определенных Н.П.Лихачевым для печатей этого типа, относимых ко второй половине VIII столетия [50, с. 74]. Видимо, в равной степени это относится и к печатям архонта Евстафия. Сопоставляя сохранность изображений на рассматриваемых экземплярах, мы пришли к заключению, что в обоих случаях более ранними являются оттиски, на которых присутствует надпись без сокращений. Типологическая близость изображений дает все основания полагать их хронологическую близость, что в свою очередь предусматривает и незначительный промежуток времени между первым и вторым использованием заготовки. Принимая во внимание, что на печатях архонта Евстафия присутствует знак сокращения в виде линии, идущей от середины литеры до верха строки, выявленный на печатях последней четверти VIII в. [48, р. 352, № 275], и то, что по крайней мере херсонский экземпляр выполнен на толстой массивной заготовке (около 5 мм), мы склонны отнести время появления данных печатей к последней трети VIII века.

Следует отметить, что на абсолютном большинстве печатей архонтов Херсона присутствуют те или иные знаки сокращения. Как показывают эпиграфические исследования, именно они оказались «одним из наиболее подвижных элементов надписи». Благодаря этому наметились определенные хронологические вехи и стало возможным отдельные из памятников датировать с большей или меньшей степенью точности [16, с. 157-162; 57, S. 158-159, 236-237; 58, с. 98-99].

К одним из наиболее ранних знаков сокращения относится горизонтальная черта над буквой (или буквами – *Н.А.*), за которой следует сокращение [55, с. 158, табл. 1.3]. Именно такой знак присутствует на моливдовулах, принадлежавших архонту Зоилу [5, с. 156-157, №№ 2-3]. Некоторые другие признаки, например, монограмма лицевой стороны с очень крупной, приближенной к фите бетой, отсутствие строгости шрифта и ровности строк надписи также говорят о необходимости датировки этих булл VIII в. [55, с. 111]. Вместе с тем, использование в углах монограммы формулы $\tau\bar{\omega} \sigma\bar{\omega} \delta\omicron\iota\lambda\omega$, выполненной небольшим продолговатым шрифтом, заставляет нас ограничиться более поздней датировкой. Как уже отмечалось, Н.П.Лихачев моливдовулы с такой формулой относит ко второй половине VIII в. лишь в том случае, если надписи исполнены крупным шрифтом [50, с. 74]. Кроме того, как показала И.В.Соколова, знак сокращения в виде горизонтальной черты над буквой в различных комбинациях встречается и на печатях второй половины VIII в. [16, табл. IVв, Vв; 46, №№ 270-272]. В связи с этим данные печати мы склонны датировать концом VIII – рубежом VIII-IX вв. [5, с. 157].

В византийской ономастике имя Зоил относится к достаточно редко встречаемым [59, с. 131]. В Херсоне же, кроме указанных выше моливдовулов, только среди булл предполагаемого архива выявлено еще шесть экземпляров печатей с таким именем (не изданы). Все они относятся к VIII – началу IX вв. Напомним, что и в письменных источниках в Херсоне в начале VIII в. упоминается одноименный представитель городских властей – протополит [24, р. 372-380; 25, р. 44-47]. Ж.Моравчик предполагает его хазарское происхождение [60, S. 132]. Суммируя все эти данные мы можем констатировать, что в

Херсоне в период хазарского владычества в Таврике фиксируются несколько лиц по имени Зоил, которые имели высокие византийские чины и, вероятно, являлись представителями городских властных структур. В этой связи небезынтересно сравнить печати нашего архонта Зоила с буллой Зоила, стратига Херсона из парижского собрания (IFEB № 25). Этого чиновника Н. и В. Зайбт считают одним из ранних херсонских стратигов, датируя его печать первой половиной IX в. [6, с. 91-92]. Использование одного и того же сфрагистического типа, одинаковый титул ипата у владельцев, палеографические особенности надписей, видимо, могут свидетельствовать об их принадлежности одному персонажу. В этом случае мы имели бы пример служебной карьеры местного чиновника, который после исполнения обязанностей архонта, спустя какое-то время занял пост стратига фемы. Безусловно, это в определенной мере не соответствует сообщению Константина Багрянородного о назначении стратигов в Херсон не из местных, а исключительно из иногородних представителей византийской знати [23, р. 184]. Тем не менее, такие прецеденты в истории несомненно имели место, о чем, на наш взгляд, красноречиво свидетельствуют, хотя и для более позднего времени, моливдовулы Михаила Херсонита [61, с. 10-13].

К памятникам рубежа VIII-IX вв. нами отнесен еще один тип печатей архонтов Херсона, на котором, как и на предыдущих моливдовулах, указывается отличный от предписанного Тактиконом ранг владельца – императорский стратор. Три экземпляра стратора Константина не так давно были введены в научный оборот [5, с. 157-158, №№ 4-6]. Еще один публикуется в настоящей работе (печать № 32). Все четыре моливдовула, насколько можно судить по сопоставлению сохранившихся изображений, происходят от одной пары матриц. К сожалению, моливдовулы оттиснуты на заготовках значительно меньшего размера, в связи с чем часть надписи не попала в поле печати. Вместе с тем различная степень сохранности булл все же позволяет восстановить ее полный текст, который выглядел следующим образом: $\text{Κωνσταντίνῳ βασιλικῷ στρατορι (καὶ) ἀρχοντι Χερσονος.}$

Еще один моливдовул также принадлежит Константину, имевшему чин императорского стратора (печать № 33), но этот экземпляр принадлежит другой паре матриц. Вместе с тем его близость указанным выше печатям свидетельствует об очевидной принадлежности тому же лицу.

Как было отмечено выше, данные памятники имеют явные признаки моливдовулов конца VIII – начала IX вв. Общий характер шрифта в какой-то мере сближает их с буллами архонта Зоила. Очевидно, хронологически они следуют за последними. Это подтверждает использование одного из ранних знаков сокращения в виде штрихов вверху и внизу строки и отсутствие утвердившегося к 20-ым гг. IX в. нового знака в виде изогнутой линии, а также начертание близко расположенной к фите весьма крупной беты в монограмме лицевой стороны [16, с. 158; 55, с. 111]. Да и сам ранг стратора, стоящий ниже спафария в иерархической лестнице, сближает нашего владельца с архонтами VIII в. Эти данные дают нам все основания полагать, что датировка печатей стратора Константина не выходит за рамки первой четверти IX в. Но все же нам более предпочтителен рубеж VIII-IX вв.

Остальная часть моливдовулов херсонских архонтов бесспорно относится к IX в., причем абсолютное большинство из них – к первой половине столетия. Кроме того, за исключением двух экземпляров, их владельцы принадлежат к классу императорских спафариев.

Попытаемся, на основе выработанных исследователями критериев, выстроить относительную хронологию этих печатей. К самому началу IX в. мы относим печать спафария Константина (печать № 31), имеющую характерную бету в монограмме с выступающей нижней горизонтальной чертой, близко расположенной к фите. И.В.Соколова использует её как один из датирующих признаков шрифта VIII в. [55, с. 111]. Однако, начертание беты в надписи на оборотной стороне моливдовула, приближающееся к переходной форме, видимо, предполагает предлагаемую датировку.

К памятникам первых десятилетий IX в. относятся и другие печати с именем Константина (17 экз.). Все известные нам моливдовулы с этим именем и титулом императорского спафария, кроме предыдущего экземпляра, принадлежат двум парам матриц. И.В.Соколова датировала известный ей моливдовул, относящийся к первой паре (печати №№ 24-30), второй половиной IX в. или чуть более ранним временем [9, с. 75, 148, № 8]. Одним из важнейших аргументов такой датировки было предполагаемое отсутствие выступающей горизонтальной черты у беты в монограмме лицевой стороны. Вместе с тем, судя по фотографии, из-за плохой сохранности моливдовула трудно прийти к какому-либо определенному заключению. Между тем, на одном из двух изданных нами экземпляров печати данного типа [5, №№ 7-8] бета имеет четко выраженную выступающую нижнюю горизонтальную черту [5, № 7]. Еще один моливдовул этой группы датирован К.Д.Смычковым началом – первой четвертью IX в. [62, с. 127]. Характерные особенности всех печатей этой серии – толстый кружок заготовки, наличие ранней пи со скругленным верхом и равноконечной омеги, а также знака сокращения в виде серпообразной линии с открытой стороной влево, согласно наблюдениям той же И.В.Соколовой, заставляет видеть в этих печатях памятники первой трети IX в. [55, с. 110-112; 9, с. 76; 16, с. 158-159]. Учитывая вышеизложенное, мы склонны датировать эту группу печатей первой пары штемпелей 20-30-ми годами IX в.

К этому же периоду мы относим и серию моливдовулов, принадлежащих второй паре матриц. В ней 6 экземпляров: один был издан ранее [5, № 13], остальные публикуются впервые в настоящей работе (печати №№ 19-23). Как и предыдущие, они имеют все указанные выше признаки печатей первой половины IX в. Полное совпадение текста надписи на печатях обеих серий может свидетельствовать о наличии у них одного владельца. Помимо этого типологическая близость печатей Константина с титулами стратора и спафария, на наш взгляд, означает вероятную принадлежность всех печатей одному персонажу и в этом случае будет отражать его продвижение по иерархической лестнице придворной знати. Следуя этой версии, использование нескольких штемпелей (5 пар матриц) и значительного количества самих печатей (23 экз.), очевидно, должно отражать не только определенную активность этого чиновника, но и его весьма длительное пребывание на посту архонта Херсона.

К рассматриваемому периоду принадлежит и большая группа печатей с именем архонта Григора (14 экз.). И.В.Соколова отмечала, что два представленных в ее каталоге экземпляра из собрания Эрмитажа и коллекции Думбартон Оакс [9, №№ 5-5а; 18, п. 82.2] выполнены прекрасным шрифтом первой половины IX в. [9, с. 75]. Вместе с тем следует заметить, что эти буллы не принадлежат одной паре матриц [18, р. 184]. Тем не менее, переиздавшие американский экземпляр Дж.Несбит и Н.Икономидис датируют его той же первой половиной IX в. [18, р. 184]. Сравнительный анализ штемпелей показал, что буллы

архонта Григоры следует разделить на три серии. Благодаря чему удалось определить принадлежность к той же паре матриц, что и булла из собрания Эрмитажа [9, № 5], одного изданного прежде экземпляра [5, № 4] и целой серии новых печатей (печати №№ 11-14). Кроме того, практически полное совпадение с рассматриваемыми буллами имеет группа печатей (7 экз.), принадлежащих иной паре матриц. Три из них были известны ранее [9, № 12; 5, №№ 5-6], остальные публикуются впервые (печати №№ 15-18). Особенностью этого типа печатей является небрежный стиль исполнения надписей. Буквы разной высоты и ширины, расположены неровно. Складывается впечатление, что выполнивший матрицы резчик не имел достаточных навыков граверного мастерства. Между тем, близость печатей третьей пары штемпелей остальным печатям Григоры, несомненно, предполагает и их аналогичную датировку. Использование серповидных знаков сокращения, специфических ро и альфы свидетельствует о необходимости отнесения данных памятников к первой четверти IX в. [16, с. 158; 55, с. 109-110, 114].

Как видим, характерные эпиграфические и палеографические особенности новых находок, в основном, подтверждают предложенную исследователями датировку рассматриваемых моливдовулов в пределах первой половины IX в. Более того, основываясь на некоторых наблюдениях, в частности на эволюции знака сокращения, можно предположить следующую последовательность данных печатей. Наиболее ранними, по-видимому, необходимо считать печати с серповидным знаком (печати №№ 15-18), которые следует отнести к 20-м годам. Буллы, сочетающие серповидный знак с прямой линией (№№ 11-14), учитывая замечания В.Зайбта, появляются к 30-м гг. [57, S. 318-319]. И самой поздней, вероятно, является печать из собрания Думбартон Оакс [18, п. 82.2], со знаком сокращения уже в виде волнообразной линии наподобие латинской буквы S, время появления которого относится ко второй трети IX в. [16, с. 159]. Присутствие очень близкого по виду шрифта с аналогичными знаками сокращения на датированных печатях, не выходящих за пределы первой половины IX в. [17, р. 58, п. 49], скорее всего, предусматривает датировку этой и подобных ей булл 30-40-ми гг.

К первой половине IX в. мы склонны отнести и печати под №№ 41 и 42. Первая из них, вероятно, принадлежала владельцу по имени Григора или Григорий, от которого в верхней строке сохранились лишь нижние концы литер. Палеографические особенности печати – вытянутая фита в монограмме, серповидный знак сокращения, хорошо прорезанный, вытянутый, строгий шрифт – все это позволяет нам отнести данный моливдовул к указанному периоду [55, с. 114; 57, S. 270-271]. Вместе с тем, вероятная принадлежность печати к самостоятельной паре матриц не позволила причислить ее к известным печатям одноименных владельцев.

Вторая печать (№ 42) обладает еще меньшей сохранностью. Она оттиснута на небольшой заготовке, что не дало возможности значительной части текста надписи, в том числе и имени владельца, разместиться в поле печати. Вместе с тем она в полной мере соответствует характеристике предшествующей печати. К сожалению, неудовлетворительная сохранность не позволяет качественно произвести сравнение штемпелей этих булл. Однако, совпадение в размещении отдельных литер не исключает возможности их принадлежности к одной паре матриц.

Так же как и моливдовул архонта Григоры из собрания Думбартон Оакс, две последние печати демонстрируют строгий вытянутый шрифт, характерный для датированных печатей

конца первой половины IX в.

Рассматриваемому периоду принадлежит и небольшая группа (9 экз.) безымянных булл. Все они выполнены на заготовках значительно меньших размеров, чем было необходимо для полного оттиска. Это обстоятельство в большинстве случаев способствовало значительной потере текста надписи. К сожалению, ни на одном экземпляре не сохранилось даже части имени. Вместе с тем сопоставление штемпелей показало, что ранее изданные И.В.Соколовой две печати [9, №№ 6, 13] происходят от одной пары матриц и соответствуют не только некоторым позже опубликованным образцам [62, с. 126-127, № 2; 5, № 9], но и новым находкам (печати №№ 34-38). Эти печати выполнены более мелким шрифтом, чем предыдущие, но по остальным критериям полностью соответствуют памятникам первой половины IX в. Сюда же, по всей видимости, следует причислить и печать под № 40, хотя плохая сохранность не позволяет точно установить ее принадлежность к этой серии моливдовулов.

Еще одну многочисленную группу (18 экз.) составляют буллы с именем Григория. Они принадлежат трем парам матриц. Первая и вторая серии при полном совпадении оформления и стиля моливдовулов отличаются лишь степенью сокращения термина архонт: в одном случае APX [9, № 11а; 33, р. 96-97, б/№; печати №№ 3-4], в другом – APXONT [5, №№ 14-16; 9, № 9; печати №№ 1-2]. Присутствие на этих печатях волнообразного знака сокращения, “переходной” беты с ярко выраженным левым нижним прямым углом, омеги со слегка заостренными петельками в сочетании с бетой на выступающей нижней черте в монограмме лицевой стороны определяет время их бытования в пределах 30-60-х гг. IX в. [16, с. 159; 55, с. 109]. Очень близкий шрифт мы находим на печатях константинопольских патриархов 40-50-х гг., который, вероятно, претерпевает существенные изменения уже ко времени патриарха Фотия [17, р. 58-62, п. 49-51, 53-54]. Кроме того, дизайн данных серий весьма близок дизайну одного из моливдовулов архонта Григоры, определенно относящегося к первой половине IX в. [18, р. 184, п. 82.2] В этой связи рассматриваемые печати мы предлагаем датировать временем около середины IX столетия.

Третью пару матриц данного типа представляют 6 экземпляров моливдовулов, один из которых И.В.Соколова, на основе отсутствия нижней выступающей черты у беты в монограмме лицевой стороны, датировала третьей четвертью IX в. и считала его самой поздней из известных булл херсонских архонтов [9, с. 73, 75-76, № 11]. Помещая еще одну печать под тем же номером и восстанавливая недостающую часть надписи по эрмитажному экземпляру [9, № 11а], она, очевидно, предполагала их принадлежность одному лицу и тем самым распространяла датировку и на второй моливдовул. Вместе с тем, проведенный нами штемпельный анализ показал, что печати, представленные в каталоге исследовательницы [9, № 11-11а], при практически полном совпадении текста надписи, несомненно, принадлежат разным парам матриц. Об этом свидетельствует и размер шрифта, и присутствие традиционной омеги в тетраграмме, а не омикрон, как на моливдовулах рассматриваемой нами последней серии. Что касается вида беты в монограмме лицевой стороны то, судя по фотографическому изображению данной печати, достаточно трудно прийти к неоспоримому заключению, высказанному И.В.Соколовой. Безошибочно можно лишь утверждать, что на булле представлена монограмма, близкая по начертанию VIII типу. Изображение же беты попало на край печати, в связи с чем нижняя горизонтальная черта могла попросту не полностью оттиснуться. К сожалению, на данный момент мы не можем получить какой-либо утвердительный ответ. Выявленные

нами новые печати этой пары матриц обладают характерной особенностью многих булл херсонских архонтов – оттиск на заготовке малого размера. По воле случая ни на одном экземпляре не сохранилось полного начертания указанной литеры. Будем надеяться, что появление новых находок позволит со временем все же разрешить эту проблему.

Учитывая характерную близость булл всех трех матриц, мы полагаем, что они принадлежат одному хронологическому периоду и также не исключаем возможность их принадлежности одному персонажу. Вместе с тем оттягивать время бытования по крайней мере печатей последней пары матриц к 70-м гг. IX в., на наш взгляд, нет достаточных оснований. Даже если согласиться с предложенной И.В.Соколовой датировкой в пределах третьей четверти IX в., совсем не обязательно считать безусловно верным лишь конец этого временного отрезка. Исходя из последних данных, напротив, более вероятно его начало. В этой связи уместным будет напомнить и выводы исследователей о начале замены волнообразного знака сокращения на укороченную линию и появлении открытой формы беты именно в этот период [16, с. 159-160; 55, с. 109; 57, S. 123, 197, 202]. На всех печатях архонта Григория мы этого не наблюдаем. Нам представляется, что наиболее вероятно датировка для булл первых двух пар матриц – 30-40-е гг., а для последней – 40-50-е гг. IX в.

К середине IX столетия, по всей видимости, необходимо отнести и еще две печати, имеющие аналогичное буллам Григория последней пары матриц начертание тетраграммы через омикрон вместо омеги. К сожалению, и эти экземпляры отгиснуты на малых заготовках, что не позволяет определить точно их принадлежность. Изданный В.С.Шандровской моливдовул из судакского архива сохранил лишь последнюю литеру от имени владельца – Т [33, р. 96, п. М-12463]. А херсонская находка дополняет только окончание топонима в последней строке, заканчивающееся небольшим крестиком (печать № 39). Шрифт на данных моливдовулах хотя и сохраняет черты характерные для первой половины IX в., но уже не такой вытянутый, буквы гравированы с утолщениями или крышечками на концах, что может характеризовать его как шрифт второй половины столетия [9, с. 93-94]. Вместе с тем крупная бета на выступающей нижней горизонтальной черте в монограмме и закрытая форма беты в надписи на оборотной стороне убеждают нас в необходимости датировки данного типа печатей не позднее самого начала третьей четверти IX в.

Последние две печати из известных на сегодняшний день булл херсонских архонтов принадлежат архонту Льву, имевшему ранг чиновника второго класса – императорского спафарокандидата [9, № 10; 33, п. М-12466]. Указание этого титула явилось одним из аргументов, позволивших И.В.Соколовой отнести данный тип печати к памятникам второй половины IX в. [9, с. 75]. Второй аналогичный экземпляр из судакского архива датируется издателем просто IX в. без каких-либо комментариев [33, р. 97]. Вместе с тем, как показывает один из рассмотренных выше моливдовулов [5, № 1], появление титула спафарокандидата, скорее всего, восходит еще к первой половине VIII в. Это обстоятельство не позволяет в нашем случае считать титул необходимым датирующим признаком. Указание И.В.Соколовой о наличии в монограмме беты без выступающей нижней черты, на наш взгляд, также не находит пока подтверждения, так как это известно только со слов автора. Какое-либо изображение лицевой стороны моливдовула в ее каталоге отсутствует. Судакский же экземпляр в силу своей плохой сохранности помочь здесь не может. Однако, некоторые особенности начертания литер и использование знаков сокращения в виде изогнутой линии во всю высоту строки свидетельствуют о принадлежности данных булл, как и двух предшествующих, времени около середины, но

не позднее самого начала третьей четверти IX в.

В качестве одного из основополагающих аргументов для определения верхней границы самых поздних печатей херсонских архонтов 80-ми гг. IX в. И.В.Соколова использовала появление в начертании литеры беты открытой формы в виде латинской буквы R, а также привлекала сфрагистический тип моливдовулов [9, с. 73]. Сразу же следует подчеркнуть, что на известных нам моливдовулах херсонских архонтов присутствует исключительно закрытая форма беты. В то время как на печатях наиболее ранних стратигов, наоборот, открытая. Данное обстоятельство, на наш взгляд, как нельзя лучше иллюстрирует не только динамику развития шрифта в третьей четверти IX в., но и способствует датировке печатей архонтов временем не позднее 50-х гг. столетия. Отсутствие открытой формы беты даже на тех экземплярах печатей архонтов, которые И.В.Соколова относит к 70-м гг. IX в. – очевидное свидетельство того, что последние предшествовали буллам стратигов, а не сосуществовали параллельно им. Что касается сфрагистического типа, то в первую очередь отметим, что на моливдовулах архонтов Херсона присутствует только два типа invocative монограммы с использованием традиционных формул $\tau\bar{\eta} \delta\omicron\upsilon\lambda\omega \sigma\omicron\upsilon$ и $\tau\bar{\eta} \sigma\bar{\eta} \delta\omicron\upsilon\lambda\omega$ (См. Приложение 2). Предположительно указываемые исследователями монограммы VIII и XI типов нам выявить не удалось [9, №№ 7, 10 11а; 18, п. 82.1]. Абсолютное большинство печатей имеют V тип монограммы. И лишь в трех случаях на печатях Евстафия, Григория и, возможно, Льва она близка по начертанию VIII типу, однако, все же имеет существенные различия (См. Приложение 1, №№ 3-4, 67-73, 76-77). В ее верхней части отсутствуют литеры T, O и V, в связи с чем мы склонны рассматривать ее как самостоятельный тип, который, к сожалению, пока не дал аналогий. Кроме того, отмеченное И.В.Соколовой отсутствие invocative монограммы указанных типов на печатях фем Харсиан и Мессопотамия, по нашему представлению, не является необходимостью дотягивания их бытования непосредственно до времени образования этих фем. Напротив, их отсутствие на моливдовулах фемы Харсиан, время основания которой выпадает на начало правления Василия I (873 г.) [31, р. 348; 54, р. 203, 284; 63, р. 61-62], скорее всего, свидетельствует о явном прекращении использования данного сфрагистического типа к этому периоду. И.В.Соколова, рассматривая некоторые эпиграфические особенности памятников сфрагистики, отмечала, что “как правило, новый образ вытесняет старый довольно скоро” [9, с. 91]. Отмена иконоборчества в 843 г. явилась определенным толчком для изменения широко распространенных до этого invocative монограмм. В качестве сфрагистических типов вновь стали использоваться изображения божественных ликов и креста на ступенях [16, с. 160]. Прекрасной иллюстрацией этому являются печати константинопольских патриархов, имеющих, что для нас весьма важно, точную датировку. Так, на булле патриарха Иоанна VII (837-843) еще присутствует традиционная крестообразная invocative монограмма V типа, а вот сменивший его Мефодий I (843-847) уже избрал изображение Богородицы (Virgin Hodegetria) [17, р. 58-59, п. 49-50]. Отсутствует изображение монограммы и на печатях последующих патриархов. По всей видимости, восстановление иконопочитания, введшее в сфрагистические типы целый ряд новых изображений, способствовало достаточно быстрому вытеснению традиционной ранее invocative монограммы. Дополнительным свидетельством этому является изображение Богородицы, точно соответствующее типу печати патриарха Фотия, датированной началом второй половины IX в. [17, р. 61, п. 53], широко представленное и на печатях представителей византийской администрации Херсона [9, с. 19-26; 18, п. 1.82.5-6, 13, 21]. Изменение сфрагистического типа около середины IX в. подтверждают и

современные датировки наиболее ранних печатей представителей имперской администрации Херсона. Н. и В. Зайбт печати стратигов Зоила, Фоки и Константина еще с изображением инвокативной монограммы датируют временем около середины IX в. [6, с. 92]. Причем, как было отмечено, здесь уже присутствует открытая форма беты, появление которой приходится на третью четверть IX в. [16, с. 109]. Новый тип изображения – шестиконечный крест на ступенях, окруженный точечным ободком, в котором австрийские исследователи усматривают изображение нимба [6, с. 92, 96, прим. 13], присутствует на буллах стратига Никифора, датируемых 60-80-ми гг. IX в. [6, с. 92]. Отождествление этого персонажа с реальным херсонским правителем, известным по письменным источникам, предложенное К.Цукерманом [39, с. 317], несомненно свидетельствует не только об утверждении здесь нового сфрагистического типа (около 860 г.), но и о существовании в это время в Херсоне уже фемной администрации. Все это в известной мере влияет на принятые ранее традиционные положения о месте и роли херсонских архонтов в структуре городских властей и свидетельствует об их ошибочности.

Таким образом, предлагаемая нами датировка самых поздних моливдовулов архонтов временем не позднее пятидесятих годов IX в. в соответствии с другими источниками ограничивает время существования архонтата в Херсоне в пределах VIII – второй трети IX в. Мнение И.В.Соколовой о сосуществовании архонтов и стратигов Херсона в 70-х гг. IX в. [9, с. 74-76, 115; 64, р. 99-100] было возможно лишь в случае разграничения власти между представителями имперского и муниципального управления. Однако, в свете последних данных такая ситуация в управлении Херсоном не находит подтверждения. Определенный нами статус херсонского архонта как единоличного главы византийской администрации, вне всякого сомнения, исключает такое положение. Более того, датировка печатей стратигов, на которые опиралась в своих выводах И.В.Соколова, сегодня уже пересмотрена и определяется временем около середины IX в.

К сожалению, нам не известна процедура назначения архонта Херсона на должность и какими полномочиями он располагал. Согласно свидетельству Константина Багрянородного мы можем судить лишь о его принадлежности к местным аристократическим кругам [23, р. 184]. И.А.Баранов, привлекая печать спфарокандидата Льва, констатирует возрастание роли херсонских архонтов в имперской иерархии после середины IX в. Однако, отмечая их фактическое соответствие в должностном отношении стратигам, исследователь, ссылаясь на авторитетное мнение Э.Арвейлер [13, р. 41-42], отводит им роль только командиров небольших отрядов в составе фемного войска, выполнявших специальные задания императора [4, с. 139]. На наш взгляд, архонт все-таки должен был осуществлять всю полноту власти в подчиненной ему области, в которую, надо полагать, входили собственно Херсон и его ближайшая округа. Наличие у представителей этой категории чиновников различных придворных титулов свидетельствует не только об их причастности к государственному аппарату империи, но и позволяет проследить определенное развитие их рангов. Моливдовулы, датирующиеся концом VIII – самым началом IX в., представляют своих владельцев в ранге ипата – чина, занимающего весьма невысокое место в списке придворных званий. По всей видимости, чин правителя все же находился в определенной зависимости от уровня значимости вверенной ему области. Несмотря на всю важность стратегического положения Херсона в Северном Причерноморье это все-таки была глубокая провинция. По всей видимости, в силу этой причины значение ее чиновников в иерархии придворной знати было не слишком высоким.

По этому архонт Херсона в VIII – самом начале IX в., очевидно, мог рассчитывать только на незначительный ранг. И даже с первой четверти IX в., судя по дошедшим до нас печатям, они, как правило, не поднимаются выше ранга чиновников третьего класса.

Абсолютное большинство печатей IX в. называют архонтов, согласно Табели о рангах – императорскими спафариями. Вместе с тем на буллах архонтов Херсона иногда указывается предшествующее спафарию звание – императорский стратор. Отдельные кандидаты, как мы знаем, в редких случаях удостоивались и более высокого титула – спафарокандидата, получение которого, вне всякого сомнения, было связано с особыми заслугами их владельца перед императором. Вероятно, это может означать, что, несмотря на существовавшее правило, архонтами Херсона могли назначаться представители различных классов в зависимости от личных качеств или наличия необходимого опыта у кандидата.

После создания в Таврике фемы Климатов Херсон, по-видимому, войдя в структуру новой административной единицы, сохраняет какое-то время свой прежний статус архонтии, но затем становится главным центром фемы, которая в скором времени получает и его имя. Наличие среди меливдовулов архонтов, типологически и хронологически близких памятников печатям херсонских стратигов, позволяет предполагать, что в отдельных случаях, несмотря на известные замечания Константина Багрянородного, Продолжателя Феофана и Скилицы [23, р. 184(41-54); 45, S. 122-124; 65, р. 73], имело место назначение на пост стратига и некоторых архонтов Херсона.

Исходя из всего вышеизложенного, архонты Херсона предстают перед нами как государственные должностные лица обширного чиновничьего аппарата византийской империи. Судя по всему, они не имеют ничего общего с представителями местного самоуправления, а являются единоличными правителями византийской административной области – архонтии, существовавшей в Херсоне, видимо, до преобразования более крупного административного формирования – фемы Климатов – в одноименную городу фему. Несомненно, именно их место и роль в структуре государственного управления провинцией и обеспечили присутствие этой должности среди прочих чиновников империи в Византийской Табели о рангах.

Трансформация фемы Климатов в фему Херсон, произошедшая, видимо, уже к концу 840-х или началу 850-х годов [39, с. 317; Ср.: 40, с. 24-26], надо полагать, повлекла за собой не фактическое упразднение должности местного архонта, как это традиционно считалось, а лишь переименование должности местного правителя в стратига, соответствующее его новому статусу. Этим обусловлено и естественное исчезновение печатей архонтов, на смену которым пришли буллы новых правителей.

К сожалению, нам не известны печати представителей муниципальных властей, относящиеся к рассматриваемому периоду. Патер полиса, протевоны и экдик, выявленные в последнее время на херсонских меливдовулах, принадлежат уже ко времени существования фемы [5, с. 161-167]. Однако, это безусловно не означает отсутствие органов местного управления в предшествующее время. Их называют письменные источники. Вместе с тем, не являясь представителями чиновничьего аппарата империи, местные функционеры, очевидно, не имели право скреплять документы своими печатями. Это положение исправилось лишь с течением времени, когда они удостоивались высоких придворных рангов и званий, вполне соответствовавших рангу руководителей провинциальной администрации, что, надо полагать, обрекало их и на одновременное

исполнение государственной службы [5, с. 164-165].

Суммируя полученные сведения, административное устройство Херсона на протяжении VIII – середины IX вв. представляется в виде малого военно-административного округа – архонтии, главой которого являлся византийский чиновник-архонт, выдвигавшийся на свой пост из среды местной аристократии. В его руках была сосредоточена вся полнота власти на вверенной ему территории. Вместе с тем, основными вопросами жизнеобеспечения ведал городской Совет, видимо, находившийся в прямой зависимости от архонта. Создание фемы Климатов, очевидно, существенно не повлияло на положение херсонской архонтии. И лишь ее трансформация в фему Херсон привела к изменению статуса округа, что, естественно, требовало и замены прежнего названия должности правителя новым.

Предлагаемая автором структура херсонской администрации в VIII – первой половине IX вв. и относительная хронология моливдовулов местных архонтов, безусловно, еще далека от совершенства. Остается целый ряд нерешенных вопросов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой теме. Многие из них требуют дальнейшего изучения по мере накопления соответствующих данных и материалов. Надеемся, что в ближайшем будущем продолжение исследований и новые находки позволят сделать интересные наблюдения, а быть может и открытия, что в свою очередь даст возможность уточнить отдельные моменты истории Херсона и проверить справедливость наших выводов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколова И.В. Администрация Херсона в IX-XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. Свердловск, 1973. Т. 10.
2. Соколова И.В. Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. Београд, 1978. Кн. 18.
3. Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 года в Херсоне // Палестинский Сборник. Л., 1971. Вып. 23(86).
4. Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсонеса // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
5. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
6. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Симферополь, 1995. Т. 27.
7. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. Т. 63.
8. Богданова Н.М. Херсон в X-XI вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991.
9. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
10. Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. London, 1910.
11. Острогорски Г. Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича // ЗРВИ. Београд, 1953. Т. 2.
12. Glykatzis-Ahrweiler H. L'administration militaire de la Crète byzantin // Byzantium. Bruxelles, 1961. Т. XXXI.
13. Glykatzis-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin. Paris, 1961.
14. Ферлуга J. Ниже-војно-административне јединице тематског уређења // ЗРВИ. Београд, 1953. Т. 2.
15. Alexeenko N.A. Unique find of the group of Byzantine lead Seals from Cherson // Byzantium. Identity, Image, Influence. Copenhagen, 1996.
16. Соколова И.В. Знак сокращение на византийских печатях VIII - первой половины X в. // ВВ. 1986. Т. 47.
17. Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986.
18. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg

- Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1.
19. Успенский Ф.И. Византийская Табель о рангах // ИРАИК. София, 1898. Т. III.
 20. Соколова И.В. Клад Херсонских монет середины IX в. // ТГЭ. Л., 1971. Т. XII.
 21. Margetič L. "Provincijalni archonti" taktikona Uspenskog // ЗРВИ. Београд, 1991. Т. 29-30.
 22. Шене Ж.-К. Поздний архонт: пример из Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
 23. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik, trans. by J. Jenkins. Washington, 1967.
 24. Theophanis. Chronographia. Rec. C. de Boor. Leipzig, 1883-1885. Т. I-III.
 25. Nicéphori archiepiscopi Constantinopolitani. Opuscula Historica. Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880.
 26. Mango C., Scott R. The Chronicle of Theophanes Confessor. New York, 1997.
 27. Mango C. Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short history // CFHB. Washington, 1990. Vol. XIII.
 28. Успенский Ф.И. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X вв. // Киевская старина. 1889. № 5-6.
 29. Знойко И.О. О посольстве Калокира в Киев // ЖМНП. 1907. № 4.
 30. Jannopoulos P.A. La société profane dans l'Empire Byzantin des VII, VIII et IX siècles. Louvain, 1975.
 31. Oikonomides N. Les listes préséance Byzantines des IX et X siècle. Paris, 1972.
 32. Benešević V. Die byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philophei und nach den Jerusalem handschriften zusammengestellt und revidiert // BNJ. 1926-1937. Bd. 5.
 33. Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. 1993. Vol. 3.
 34. Constantino Porfirogenito. De Thematis. Ed. A. Petrusi // Studi et Testi. Vatican, 1952. Т. 160.
 35. Zakythnos D. Μελέται περὶ τῆς διοικητικῆς διαρροσῶν καὶ τῆς ἐπαρχιακῆς διοικήσεως ἐν τῷ Βυζαντινῷ κράτει // ΕΕΒΣ. 1942. Т. 17, 1951. Т. 21.
 36. Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. Munchen, 1963.
 37. Ферлуга Ј. Драч и Драчка област пред крај X и почетком XI века // ЗРВИ. Београд, 1964. Т. 8(2).
 38. Acta Sanctorum. Paris, 1883.
 39. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. Симферополь, 1997. Т. 1.
 40. Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности-1996. Харьков, 1997.
 41. Цукерман К. Венгры в Крыму // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и Крым". Симферополь, 1997.
 42. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. München, 1924. Bd. I.
 43. Scriptor incertus de Leone Arm. Ed. I. Bekker // CFHB. Bonnae, 1842.
 44. Genesis Iosephi. Regum Libri Quattuor. Ed. A. Lesmüller-Werner and I. Thurn // CFHB. Berlin-New York, 1978.
 45. Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838.
 46. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Ed. I. D. Mansi. 1759-1798. Т. XVI.
 47. Patrologiae cursus completus. Ser. Graeca. Ed. I. P. Migne. Т. 102.
 48. Zacos G., Vegliery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1.
 49. Шандровская В.С. Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже // ВВ. 1968. Т. XXIX.
 50. Лихачев Н.П. Моливдовулы Греческого Востока // Научное наследство. Москва, 1991. Т. 19.
 51. Панченко Б.А. Каталог моливдовулов. София, 1908.
 52. Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. Т. V. Paris, 1966.
 53. Laurent V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Cité du Vatican, 1962.
 54. Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884.
 55. Соколова И.В. Об эпиграфике византийских печатей VIII-IX вв. // ВВ. 1981. Т. 42.
 56. Mordtmann A. Sur les sceaux et plombs byzantins, conférence tenue dans la Société Litteraire grecque. Constantinople, 1873. (EPHS. 1872-1873. Vol. 7).
 57. Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978. Т. I.
 58. Соколова И.В. О так называемой печати протевона Херсона // ВИД. 1991. Т. XXIII.
 59. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана и "Бревиарий" Никифора. М., 1980.
 60. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. II.
 61. Алексеевко Н.А. Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики // Тез. докл.

- междунар. конф. "Византия и Крым". Симферополь, 1997.
62. Смычков К.Д. Несколько неизданных печатей Херсона // НЭ. Москва, 1989. Т. XV.
63. Ostrogorsky G. La date de composition du livre des thèmes // Byzantion. 1953. Vol. 23.
64. Sokolova I.V. Les sceaux Byzantins de Cherson // SBS. 1993. Vol. 3.
65. Joannis Scylitzae. Synopsis Historiarum. Ed. I.Thurn // CFHB. 1973. Vol. 5.

ALEKSEENKO N. A.

ARCHONS OF PROVINCIAL CHERSON IN THE STRUCTURE OF BYZANTINE ADMINISTRATIVE SYSTEM IN TAURICA IN THE VII-IX CENTURIES

Summary

Evidence shortage of written sources and archaeological monuments reflecting the problems of administrative structure of medieval Cherson still leaves many of them unsolved. It concerns the place and the role of Cherson archons in the city administration. Considerable increase of the quantity of archons' seals (molivdovuls) embellishes the information about this category of officials and that enables to revise the traditional model of city government of Cherson in the second half of the 8th – the mid-9th centuries and define the place for local archons in it.

75 archons' molivdovuls known nowadays were under research (compare with 12 published by I. V. Sokolova by 1983). Due to new finds not only the quantity of archons' seals increased, but also the range of ranks became larger, from ipat and Emperor's strators and spapharocandidates. At the same time the list of Cherson archons included 8 names (Savva, Zoil, Grigor, Gregory, Eustathius, Leontius, Constantine, Theodotus); from our only points of view it is a very important sign when you examine the question of collectivism of the "institute" of archons in Cherson.

The analysis of the known archons' seals enables us to draw to the following conclusions.

First, before forming thema in Taurica there used to be Byzantine administrative region – archontia with the centre in Cherson headed by an imperial official – archon who possibly was by birth from the local serving nobility and exercised the whole authority on behalf of the emperor.

Second, representatives of this category of officials had different court titles, which helps us not only to speak about their being connected with the state administration of the Empire, but also enables us to follow certain development of their ranks.

Third, picking out seals belonging to one pair of matrix and demonstrating promotion of their owners up hierarchy considerably narrow the quantity of known people who exercised these duties. Even if we assume that each specimen with the same name but different stamp belonged to different archons, their quantity would not exceed 30. So, even such a number of archons for a long period of the existence of this "institute" in Cherson does not allow us to speak about corporate character of this organ. On the contrary, small number of known representatives of this position with a relatively large quantity of seals most likely speaks in favour of an individual position of an archon and reflects rather rare replacement of these officials, who, probably, could exercise their duties for ten or more years. Archons of Cherson mentioned in the Table of Ranks appeared, obviously, due to the wrongly interpreted text of Taktikon where a certain part of the text had been missed.

In the fourth, the presence of seals typologically and chronologically close to those of Cherson strategs enables us to suppose that sometimes, despite the orders of Constantine Porphyrogenitus, some of archons of Cherson were appointed to the post of strategus, at least at the beginning of the existence of thema.

Thus, according to latest data of sphragistics we see archons of Cherson as officials of extensive administration of Byzantine Empire. They have nothing in common with the representatives of local government, but are the rulers of Byzantine administrative region having existed in Taurica before a larger administrative formation – thema. Undoubtedly, just their position and role in the structure of empire government in provinces ensured the presence of this post in Byzantine Table of Ranks.

Печати архонтов Херсона VIII-IX вв.

№ п/п	Издание	Тип монограммы	Общие матрицы	Имя архонта и титулатура	Датировка
1	2	3	4	5	6
1.	МАИЭТ.V.1	V		Феодот , ипат и имп. спафарокандидат	Первая половина VIII в.
2.	Z.V.1.2345 МПВХ. 1 DOC.1.82.3	V		Савва , ипат	Первая половина VIII в.
3.	Z.V.1.3106 МПВХ. 7 DOC.1.82.1	VIII (вариант)	A1	Евстафий , имп. спафарий	конец VII в. - рубеж VIII/IX вв.
4.	МАИЭТ.V.17	VIII (вариант)	A2	Евстафий , имп. спафарий	конец VIII в. - рубеж VIII/IX вв.
5.	МАИЭТ.V.2	V	B1	Зоил , ипат	конец VIII в. - рубеж VIII/IX вв.
6.	МАИЭТ.V.3	V	B2	Зоил , ипат	конец VIII в. - рубеж VIII/IX вв.
7.	МАИЭТ.V.10	V	C1	Константин , имп. стратор	рубеж VIII/IX вв. - первая четверть IX в.
8.	МАИЭТ.V.11	V	C2	Константин , имп. стратор	рубеж VIII/IX вв. - первая четверть IX в.
9.	МАИЭТ.V.12	V	C3	Константин , имп. стратор	рубеж VIII/IX вв. - первая четверть IX в.
10.	Печать № 32	V	C4	Константин , имп. стратор	рубеж VIII/IX вв. - первая четверть IX в.
11.	Печать № 33	V		Константин , имп. стратор	рубеж VIII/IX вв. - первая четверть IX в.
12.	Печать № 31	V?		Константин , имп. спафарий	рубеж VIII/IX вв. - первая четверть IX в.
13.	НЭ.XV. 1	V	D1	Константин , имп. спафарий	первая треть IX в.
14.	МПВХ. 8	V	D2	Константин , имп. спафарий	первая треть IX в.
15.	МАИЭТ. V. 7	V	D3	Константин , имп. спафарий	первая треть IX в.
16.	МАИЭТ. V. 8	V	D4	Константин , имп. спафарий	первая треть IX в.
17.	Печать № 24	V	D5	Константин , имп. спафарий	первая треть IX в.
18.	Печать № 25	V	D6	Константин , имп. спафарий	первая треть IX в.
19.	Печать № 26	V	D7	Константин , имп. спафарий	первая треть IX в.
20.	Печать № 27	V	D8	Константин , имп. спафарий	первая треть IX в.
21.	Печать № 28	V	D9	Константин , имп. спафарий	первая треть IX в.

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX

22.	Печать № 29	V	D10	Константин, имп. спафарий	первая треть IX в.
23.	Печать № 30	V	D11	Константин, имп. спафарий	первая треть IX в.
24.	МАИЭТ.V. 13	V	E1	Константин, имп. спафарий	первая треть IX в.
25.	Печать № 19	V	E2	Константин, имп. спафарий	первая треть IX в.
26.	Печать № 20	V	E3	Константин, имп. спафарий	первая треть IX в.
27.	Печать № 21	V	E4	Константин, имп. спафарий	первая треть IX в.
28.	Печать № 22	V	E5	Константин, имп. спафарий	первая треть IX в.
29.	Печать № 23	V	E6	Константин, имп. спафарий	первая треть IX в.
30.	МПВХ. 12	V	F1	Григора, имп. спафарий	первая четверть IX в.
31.	МАИЭТ.V.5	V	F2	Григора, имп. спафарий	первая четверть IX в.
32.	МАИЭТ.V.6	V	F3	Григора, имп. спафарий	первая четверть IX в.
33.	Печать № 15	V	F4	Григора, имп. спафарий	первая четверть IX в.
34.	Печать № 16	V	F5	Григора, имп. спафарий	первая четверть IX в.
35.	Печать № 17	V	F6	Григора, имп. спафарий	
36.	Печать № 18	V	F7	Григора, имп. спафарий	первая четверть IX в.
37.	МПВХ. 5	V	G1	Григора, имп. спафарий	830-е годы
38.	МАИЭТ.V.4	V	G2	Григора, имп. спафарий	830-е годы
39.	Печать № 11	V	G3	Григора, имп. спафарий	830-е годы
40.	Печать № 12	V	G4	Григора, имп. спафарий	830-е годы
41.	Печать № 13	V	G5	Григора, имп. спафарий	830-е годы
42.	Печать № 14	V	G6	Григора, имп. спафарий	830-е годы
43.	Z.V. 1. 3113 МПВХ.5а DOC.1.82.2	V		Григора, имп. спафарий	830-е годы
44.	Печать № 41	V?	J1?	Григо..., имп. спафарий	первая половина IX в.
45.	Печать № 42	V?	J2?, имп. спафарий	первая половина IX в.

Алексеевко Н.А. Архонтия Херсона VIII-IX вв. по данным сфрагистики

46.	МАИЭТ.V.9	V?	K1, имп. спафарий	первая половина IX в.
47.	НЭ.XV. 2	V?	K2, имп. спафарий	первая половина IX в.
48.	МПВХ. 13	V?	K3, имп. спафарий	первая половина IX в.
49.	МПВХ. 6	V?	K4, имп. спафарий	первая половина IX в.
50.	Печать № 34	V?	K5, имп. спафарий	первая половина IX в.
51.	Печать № 35	V?	K6, имп. спафарий	первая половина IX в.
52.	Печать № 36	V?	K7, имп. спафарий	первая половина IX в.
53.	Печать № 37	V?	K8, имп. спафарий	первая половина IX в.
54.	Печать № 38	V?	K9, имп. спафарий	первая половина IX в.
55.	Печать № 40	V?	, имп. спафарий	первая половина IX в.
56.	МАИЭТ.V.14	V	L1	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг.
57.	МАИЭТ.V.15	V	L2	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг
58.	МАИЭТ.V.16	V	L3	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг
59.	МПВХ. 9	V	L4	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг
60.	Печать № 1	V	L5	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг
61.	Печать № 2	V	L6	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг
62.	МПВХ. 11a	V	M1	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг
63.	SBS. 3. P.96	V	M2	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг
64.	SBS. 3. P.97	V	M3	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг
65.	Печать № 3	V	M4	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг
66.	Печать № 4	V	M5	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг
67.	МПВХ. 11	VIII (вариант)	N1	Григорий, имп. спафарий	830-840 гг
68.	Печать № 5	VIII (вариант)	N2	Григорий, имп. спафарий	840-850 гг.

69.	Печать № 6	VIII (вариант)	N3	Григорий, имп. спафарий	840-850 гг.
70.	Печать № 7	VIII (вариант)	N4	Григорий, имп. спафарий	840-850 гг.
71.	Печать № 8	VIII (вариант)	N5	Григорий, имп. спафарий	840-850 гг.
72.	Печать № 9	VIII (вариант)	N6	Григорий, имп. спафарий	840-850 гг.
73.	Печать № 10	VIII (вариант)	N7	Григорий, имп. спафарий	840-850 гг.
74.	SBS. 3. № M-12463	V?	P1, имп. спафарий	около середины IX в.
75.	Печать № 39	V?	P2, имп. спафарий	около середины IX в.
76.	МПВХ. 10	VIII (вариант)?	R1	Лев, имп. спафарий	начало третьей четверти IX в.
77.	SBS. 3 № M-12466	VIII (вариант)?	R2	Лев, имп. спафарий	начало третьей четверти IX в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

МАИЭТ. V - Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V.

МПВХ - Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.

НЭ. XV - Смычков К.Д. Несколько неизданных печатей Херсона // НЭ. Москва, 1989. Т. XV.

DOC. 1 - Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1.

SBS. 3 - Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. 1993. Vol. 3.

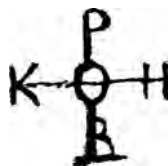
Z.V. 1. - Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1.

Приложение 2.

Типы монограмм на печатях херсонских архонтов

а) Монограмма V типа (по В.Лорану)

б) Монограмма близкая VIII типу

Рис. 1. Печати архонтов Херсона.
1-6 – императорского спафария Григория.

Рис. 2. Печати архонтов Херсона.
7-10 – императорского спафария Григория;
11-12 - императорского спафария Григоры.

Рис. 3. Печати архонтов Херсона.
13-18 – императорского спафария Григоры.

Рис.4. Печати архонтов Херсона.
19-24 – императорского спафария Константина.

Рис. 5. Печати архонтов Херсона.
25-30 – императорского спафария Константина.

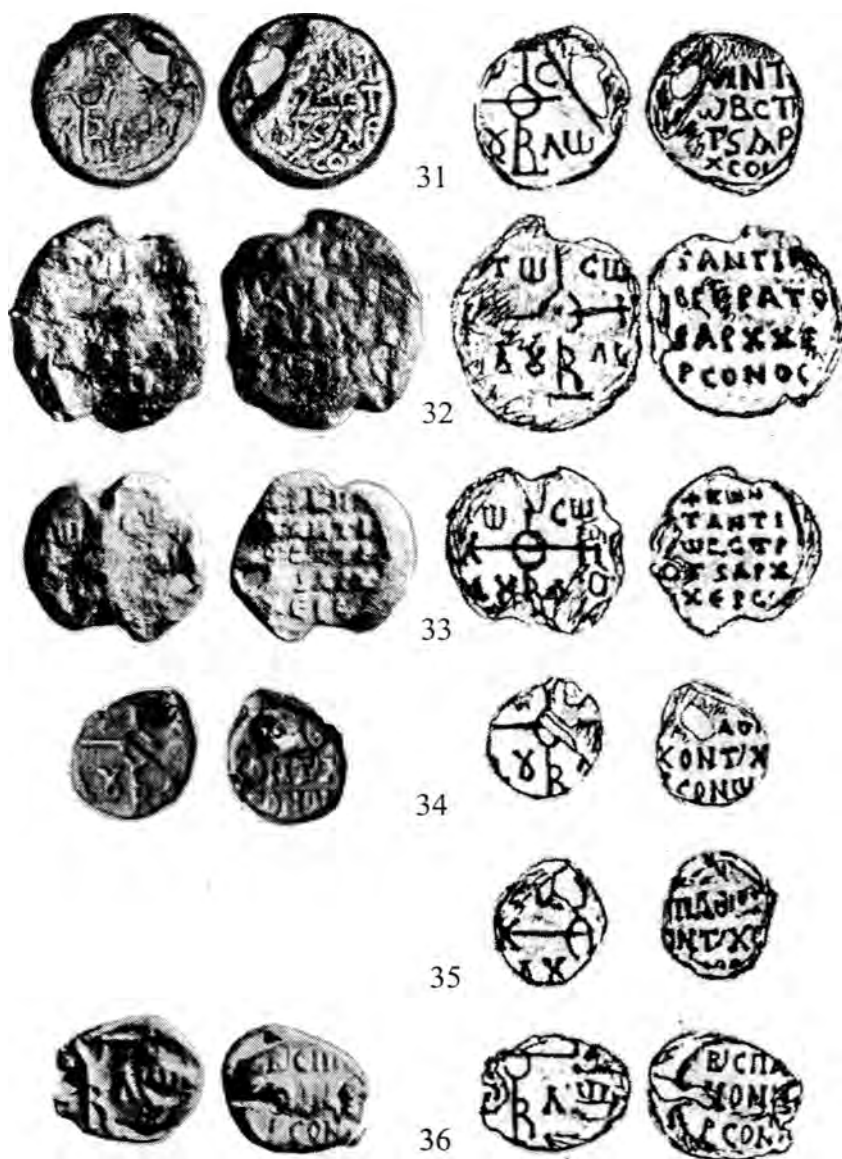

Рис. 6. Печати архонтов Херсона.

31 – императорского спафария Константина;

32-33 – императорского стратора Константина;

34-36 – императорского спафария ...

Рис. 7. Печати архонтов Херсона.
37-42 – императорского спафария ...